

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.Л. Катанский

Очерк истории древних
национальных литургий запада

Опубликовано:
Христианское чтение. 1869. № 4. С. 562-614.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ДРЕВНИХЪ НАЦИОНАЛЬНЫХЪ ЛИТУРГІЙ ЗАПАДА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

2. Литургія римской церкви, какъ національная литургія (IV—VII в.).

Въ описываемый періодъ (IV—VII в.) литургія римской церкви представляетъ видъ національной мѣстной литургіи, подобно другимъ западнымъ литургіямъ этого періода; о претензіяхъ ея на универсальность и обязательный для всего запада авторитетъ не можетъ быть и рѣчи при обзорѣ ея состоянія въ означенное время. Въ разсматриваемый періодъ, правда, опредѣляются уже особенности ея внутренняго характера и направленія; но, принадлежа церкви, еще вполне католической, римская литургія, не смотря на все свои особенности въ характерѣ и направленіи, еще далека отъ того типа римско-католической миссы, какою она становится во времена послѣдующія. Приступая къ изслѣдованію римской литургіи въ періодъ IV—VII в., мы считаемъ дѣло изученія тогдашней римской литургіи не только удовлетворяющимъ естественному любопытству, но и полезнымъ въ цѣляхъ практическихъ. Ревнитель возстановленія истиннаго римскаго католичества на за-

падѣ увидитъ, въ какомъ видѣ была тогда литургія римской церкви, — литургія, въ которой не сомнѣвались участвовать, не смотря на всѣ ея значительныя особенности отъ восточной, восточные христіане. Сверхъ того при обзорѣ литургіи римской этого періода находитъ себѣ рѣшеніе важный вопросъ о времени и способѣ пресуществленія св. Даровъ въ древне-римской церкви по дошедшему отъ нея самой литургическому обряду.

Къ сожалѣнію, какъ ни много ученые посвящали времени и трудовъ изученію рассматриваемаго періода литургіи и какъ ни много сравнительно собрано ими фактовъ, сюда относящихся, много еще остается темныхъ, не уясненныхъ сторонъ въ предметѣ, въ особенности что касается начала этого періода до половины V в., до того времени, когда на поприще литургической дѣятельности выступаютъ папы Левъ V. и Геласій, — отчасти даже относительно дѣятельности самыхъ этихъ папъ. Одно наука можетъ рѣшить въ настоящее время вполне удовлетворительно, — это вопросъ о литургіи папы Григорія V. Такимъ образомъ, всего менѣе данныхъ представляетъ начало рассматриваемаго періода (до Льва V.), гораздо болѣе продолженіе (времена Льва V. и Геласія) и всего болѣе окончаніе (времена Григорія V.).

Весьма мало достовѣрнаго можно сказать относительно періода времени съ IV до половины V в., до папы Льва V. Это періодъ, доставляющій ученымъ обширное поприще для гипотезъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, являющихся всякій разъ, когда нѣтъ положительныхъ данныхъ. Остановимся на предположеніяхъ Бунзена, какъ наиболѣе правдоподобныхъ, такъ какъ они основаны на сопоставленіи нѣкоторыхъ данныхъ, касающихся рим-

ской литургіи въ аналогію съ судьбою восточной литургіи и другихъ національныхъ литургій запада. Бунзенъ старается объяснить то обстоятельство, что сравнительно поздно появляются труды собственно римскихъ литургистовъ, что ранѣе половины V в. не встречаемъ мы никакихъ извѣстій, никакихъ намековъ на существованіе литургіи римской, національной, особенной, отличной отъ другихъ литургій. Сравнительно позднее появленіе національныхъ особенностей въ римской литургіи, обособившихъ ее отъ другихъ западныхъ и восточныхъ литургій, сдѣлавшихъ ее именно римскою національною литургіею, этотъ ученый объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Римъ долгое время жилъ полнымъ подражаніемъ востоку, не проявляя своей самостоятельности, такъ что до половины III в. даже богослужебнымъ языкомъ въ Римѣ былъ языкъ греческій. Остановившаяся на этомъ послѣднемъ, очень вѣроятномъ, по его мнѣнію, предположеніи относительно богослужебнаго языка, Бунзенъ имъ объясняетъ позднее развитіе мѣстныхъ особенностей въ римской литургіи и отсутствіе извѣстій о римскихъ литургистахъ и ихъ трудахъ въ болѣе раннюю эпоху. Есть много основаній согласиться съ Бунзеномъ, допустить, что литургія въ Римѣ первоначально отправлялась на греческомъ языкѣ, если не въ цѣломъ своемъ объемѣ, то въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ и этимъ до извѣстной степени, объяснить довольно позднее развитіе римской литургіи, какъ національной (1).—Что касается време-

(1) Выказавъ мнѣніе относительно богослужебнаго языка въ Римѣ въ первые два съ половиною столѣтія, Бунзенъ яи чѣмъ не старается подкрѣпить свое предположеніе. Раздвѣлая его догадку, мы приведемъ отъ себя нѣсколько доводовъ въ пользу этого действительно *очень вѣроятнаго предположенія*. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что

ни съ половины III до половины V столѣтія или до Льва V., то хотя совершенно нѣтъ историческихъ данныхъ, которыя бы относились къ этому періоду времени, тѣмъ не менѣе ученые позволяютъ себѣ (по крайней мѣрѣ Буизенъ) дѣлать на этотъ счетъ догадки, также вѣроятныя, хотя рѣшительно ничѣмъ не подтверждаемыя, исключая аналогія съ судьбою вообще

въ первый два столѣтія римляне мало проявляли свою самостоятельность въ религіозномъ отношеніи, жили вообще полнымъ подражаніемъ греческому востоку. Известенъ фактъ, что римляне не знали въ это время даже своей латинской религіозной литературы; литература на римскомъ западѣ въ это время была вполне греческая; до Тертуліана мы не встрѣчаемъ ни одного литературнаго памятника на латинскомъ языкѣ; замѣчательно, что даже Тертуліанъ, творецъ, какъ его называютъ, латинскаго богословскаго языка, и который изъ сводкъ сочиненій писалъ погречески; переводъ св. Писанія на латинскій языкъ появляется только въ концѣ II в., — обстоятельство заслуживающее большаго вниманія; латинская религіозная терминологія устанавливается въ очень позднее время, такъ что даже во времена Тертуліана и Кириана, наиболѣе потрудившихся въ дѣлѣ образованія латинскаго религіознаго языка, мы находимъ латинскую религіозную терминологию далеко менѣе установившеюся въ сравненіи съ греческою. Правда языкъ литературный могъ быть однимъ, а литургическій другимъ; тѣмъ не менѣе есть не мало основаній отождествлять тотъ и другой въ первый два съ половиною столѣтія. Вотъ эти основанія. Мы уже обращали вниманіе читателей на нѣкоторыя удѣльнія греческія фразы какъ въ самой римской литургіи, такъ и въ другихъ западныхъ литургіяхъ (каковы: *verba dixerunt, deo aïōnō; et' aïōnō;*, "Αἰῶς, "Αἰῶς "Αἰῶς; *coros; ē' ē'ē;*). Какъ объяснить себѣ этотъ фактъ, если не допустить предположенія, что въ первые вѣка христіанства, если не все богослуженіе на западѣ совершалось на греческомъ языкѣ, то по крайней мѣрѣ *все важнейшія изреченія* произносились на этомъ языкѣ? Какъ объяснить себѣ dalje то обстоятельство, что во многихъ древнихъ чинопослѣдованіяхъ таинства крещенія (напр. въ Геласіевомъ сакраментаріѣ) символъ читался по гречески, а потомъ по латинѣ (Mugat. lit. rom. T. 1. p. 540)? Обратимъ затѣмъ вниманіе на то обстоятельство, что въ первые вѣка христіанства греческій языкъ извѣстенъ былъ почти всѣмъ на римскомъ западѣ, что римляне питали даже пристрастіе къ греческому языку, что онъ былъ сверхъ того языкомъ Свящ. Писанія, языкомъ авторизованнымъ апостольскимъ употребленіемъ, что онъ былъ языкомъ центра тогдашняго христіанства Малой Азіи, отку-

всей христіанской литургіи какъ на греческомъ востокѣ, такъ и въ разныхъ частяхъ западнаго міра: Галліи, Испаніи. Вотъ сущность гипотезы Буизена. Съ половины III в. со времянь папы Корнелія (251 г.) съ перемѣною греческаго богослужебнаго языка на латинскій (1) произошелъ поворотъ въ судьбѣ римской литургіи. Въ это время она доживала тотъ періодъ, который можно назвать періодомъ ораторскаго распространенія литургіи и который былъ какъ въ литургіи греческой восточной до времени Василія В. и Златоуста, такъ и въ исторіи другихъ западныхъ литургій.

да христіанство исходило и гдѣ оно находило себѣ источникъ подкрѣпленія. Все это достаточно подтверждаетъ, по нашему мнѣнію, мысль о возможности и даже естественности употребленія въ Римѣ при богослуженіи греческаго языка въ первые вѣка христіанства; такъ что предположеніе ученыхъ на этотъ счетъ не должно казаться слишкомъ страннымъ. По нашему мнѣнію несравненно болѣе странно на первый взглядъ современныи намъ фактъ господства на всемъ западѣ мертваго латинскаго языка при католическомъ богослуженіи, — языка непонятнаго даже вышшимъ италіяицамъ (не говоря уже о французакъ, ибмацахъ и испанцахъ), чѣмъ употребленіе ибкогда въ Римѣ живаго языка родственной, соседней націи, издавна находившейся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Италіею. Скажутъ: тогда не существовало тѣхъ побудительныхъ причинъ ко введенію греческаго языка въ римское богослуженіе, какія существуютъ инынѣ для господства латинскаго языка на всемъ западѣ, т. е. не было ничего въ родѣ власти и подобныхъ ему стремленій. Совершенно справедливо. Не было внѣшнихъ насильственныхъ побужденій, но были побужденія внутреннія, еще болѣе сильныя, на которыя мы указали выше. Богослуженіе всегда стремилось, стремится и ибкогда не откажется отъ стремленія употреблять языкъ авторизованный, освященный авторитетною древностью; оно не любитъ новыхъ выраженій. На этомъ законѣ между прочимъ основывается господство доселѣ на католическомъ западѣ латинскаго языка и славянскаго у насъ въ Россіи.

(1) Буизень не доказываетъ, почему именно онъ ограничиваетъ господство греческаго языка въ римскомъ богослуженіи временами жизни папы Корнелія. Вѣроятно при этомъ руководствуется онъ тѣмъ соображеніемъ, что съ половины III в. начинаютъ появляться сочиненія на латинскомъ языкѣ собственно въ Римѣ по примѣру африканцевъ Тертулліана и Кипріана.

Поворотъ къ сокращенію и эклектизму, какъ выражается Бунзенъ, произошелъ не ранѣе время папы Сильвестра (314—335) или его преемниковъ—Марка (336) и Юлія (336—352) и не позже Дамаса (366—384) (1), а известное намъ выраженіе его находимъ въ сакраментаріѣ Льва V. Какъ ни правдоподобна на первый взглядъ эта гипотеза, какъ плодъ сравнительнаго изученія судьбы разныхъ церквей христіанскаго міра,—все-таки она остается чистою гипотезою, по совершенному отсутствію всякихъ данныхъ для ея подтвержденія; если мы упомянули о ней, то единственно для того, чтобы показать крайнюю бѣдность положительныхъ данныхъ для рѣшенія разсматриваемаго вопроса.

Въ отношеніи къ судьбѣ римской литургіи въѣтъ Льва V. и Геласія есть время переходное, стоящее въ срединѣ между только что разсмотрѣннымъ временемъ темнымъ въ историческомъ отношеніи и періодомъ дѣятельности Григорія V., освѣщаемымъ ясными историческими фактами. Въѣтъ Льва V. и Геласія въ этомъ отношеніи можно назвать временемъ полуисторическимъ. Исторически известны намъ имена литургическихъ дѣятелей и отчасти направленіе ихъ дѣятельности, но если бы мы захотѣли опредѣлить въ точности, что именно совершилъ тотъ или другой дѣятель въ области литургіи, какую именно перемѣну онъ произвелъ и даже какой именно видъ имѣла литургія въ его время,—на всѣ эти вопросы мы не въ состояніи отвѣтить такъ, какъ того требуетъ здравая историческая критика. Несомнѣнно, что Левъ V. и папа Геласій принимали участіе въ устроеніи римской литургіи своего

(1) Почему именно въ это время.—Бунзенъ этого ничѣмъ не доказываетъ.

времени; Левъ В.—по свидѣтельству древней *Liber Pontificalis* и Анастасія Библіотекаря († 890) ⁽¹⁾; Геласій—по свидѣтельству своего современника Геннадія, пресвитера Марсельскаго, *Liber Pontificalis* ⁽²⁾ Валафрида Страбона († 849) ⁽³⁾, Анастасія Библіотекаря (IX) ⁽⁴⁾,

(1) И *Liber Pontif.* и Анастасій Библіотекарь свидѣтельствуютъ одно, именно, что Льву В. принадлежатъ слѣд. слова въ евхаристической молитвѣ: *sanctam sacrificium, immaculatam hostiam*. Свид. Анаст. Библіот. см. у Бинтерима IV, III р. 11—12. Свид. *Lib. Pontif.* у Буизена Т. 1, р. 603. „*Hic (L. M.) constituit, ut infra actionem sacrificii diceretur Sanctum Sacrificium etcact.* (*Lib. Pontif.* 1, р. 152).—Какъ ни недостаточны эти свидѣтельства, ученые далеки отъ того, чтобы совершенно отрицать участіе Льва В. въ трудахъ по части устройства литургіи вообще. Кроме вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, ограничивающихъ правду дѣятельность Льва В. только незначительнымъ измѣненіемъ одного мѣста въ литургіи — для ученыхъ въ этомъ случаѣ имѣетъ силу существованіе преданія на западѣ объ участіи Льва В. въ устройствѣ литургіи вообще,—преданія выразившагося въ приписаніи Льву В. одного изъ видовъ римскаго сакраментарія (надпись надъ Влянхивіевымъ сакраментаріемъ, сдѣланная неизвѣстною рукою).

(2) Геннадій (*Cap. 94 de Script. eccles. T. II Oper. S. Hieronymi* и *Liber Pontif. in vita S. Leonis*) единогласно свидѣтельствуютъ, что онъ составлялъ гимны, подобно Амвросію, и написалъ книгу таинствъ (по Геннадію), составлялъ вступительныя молитвы къ таинствамъ (*praefationes*—по *Lib. Pontif.*), языкомъ чистымъ, правильнымъ (по одному—*elimato sermone*; по другой—*cauto sermone*). Вотъ эти свидѣтельства отъ слова до слова. Геннадія: „*scripsit volumen sacramentorum elimato sermone; fecit et hymnos in similitudinem Ambrosii episcopi*“. *Lib. Pontificalis*: „*fecit et hymnos in modum beati Ambrosii. Fecit et sacramentorum praefationes cauto sermone*“.

(3) Валафридъ ссылается на предъидущія свидѣтельства и на мнѣнія современниковъ своихъ относительно трудовъ Геласія. „*Gelasius papa in ordine LI ita tam a se, quam ab aliis compositas preces dicitur ordinasse*“ (*De rebus eccles. cap. 22, 1 cit.*).

(4) Анастасій Библ. пользовался, какъ видно, вышеприведенными двумя свидѣтельствами, такъ что его свидѣтельство есть повтореніе прежнихъ свидѣтельствъ; замѣчательно у него соединеніе обоихъ фразъ: *cauto et elimato sermone*. *Hic tractus*, говоритъ онъ, *et hymnos composuit, hic inter caetera sacramentorum praefationes cauto et elimato sermone fecit*“. (См. у Бинтерима IV, III р. 20. Приводя это мѣсто, онъ впрочемъ не цитуетъ его).

Діакона Іоанна (IX) (1). Направленіє ихъ дѣятельности, по крайней мѣрѣ папы Геласія, видно отчасти изъ свидѣтельствъ вышеупомянутыхъ писателей отчасти изъ свидѣтельствъ папы Вигилія (2). Изъ вышеупомянутыхъ свидѣтельствъ можно заключать, что дѣятельность папы Геласія простиралась на исправленіе и вообще на то, что называется редакціею литургіи; на это именно, намъ кажется, указываютъ выраженія *cauto et elimato sermone*, рѣчь *отборная*, исправленная, осторожная; очевидно, здѣсь находится намекъ на исправленіе и пересмотръ литургіи. Выраженіе же *Sacramentorum* и въ связи съ нимъ *praefationes* людямъ, знакомымъ съ литургической терминологіею тогдашняго времени, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что тутъ дѣло идетъ не о богослуженіи вообще, а о литургіи въ частности (3). Такимъ образомъ, намъ кажется, выраженіе *liber Pontificalis: fecit et sacramentorum praefationes cauto sermone* и подобное же выраженіе современника Геласіева относится болѣе къ исправленію, къ редакціи литургіи, чѣмъ къ составленію новыхъ литургическихъ молитвъ, хотя можно допустить и послѣднее:

(1) Іоаннъ Діаконъ, занимаясь собственно біографіею Григорія В., только вскользь упоминаетъ о *кодексахъ Геласія*: „*Sed et codicem Gelasianum... (S. Greg.) coarctavit*“ (Ioann. Diacon. in vita S. Gregorii lib. 11, cap. 17).

(2) „*Ordinem precum in celebratio missarum nullo nos tempore, nulla festivitate significamus habere diversam, sed semper eodem tenore oblata Deo munera consecrare... Quapropter nos ipsius canonicae praecis textum dirigitur subter adjectum, quem Deo propitio ex apostolica traditione suscepimus (Epist. Vigiliis papae ad Profuturum. См. у Бузена Т. II, стр. 603).*

(3) *Sacramentorum* по древней терминологіи означаетъ не другое какое либо таинство, а именно Евхаристію. *Praefationes* же въ связи съ *Sacramentorum* еще болѣе опредѣляетъ то, что значить *sacramentorum*. *Praefatio* всегда употреблялось въ значеніи введенія въ канонъ миссы.

пересмотръ литургіи едва ли могъ ограничиться однимъ сокращеніемъ и исправленіемъ и едва ли не соединялся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ нѣкоторымъ прибавленіемъ новыхъ молитвъ отъ лица занимавшагося редакціей? Что за долго до Григорія В. римская литургія уже прошла черезъ редакцію и потому была далеко въ болѣе благоустроенномъ видѣ, по крайней мѣрѣ относительно однообразія и устойчивости своихъ формъ, чѣмъ литургія другихъ національныхъ церквей, напримѣръ испанской, это видимъ изъ посланія (VI в.) папы Вигилія къ извѣстному Профутуру (538 г.), гдѣ папа представляетъ Профутуру на видѣ однообразіе и прочность формъ римской литургіи. Спрашивается: кто же могъ содѣйствовать устройству римской литургіи, если не Левъ V. и особенно Геласій, на котораго особенно указываютъ историческія свидѣтельства, знаменитѣйшіе изъ отцевъ римской церкви, жившіе въ такое время въ V в., когда особенно и сознаваема была погрѣбность въ пересмотрѣ и въ новой редакціи литургіи и показанъ былъ примѣръ подобныхъ трудовъ знаменитыми отцами восточной церкви Василіемъ В. и Іоанномъ Златоустомъ. Итакъ не подлежитъ сомнѣнію фактъ участія Льва V. и особенно Геласія въ трудахъ по части литургіи и именно по ея пересмотру. Но что же именно они сдѣлали, какой видъ имѣла литургія до нихъ, какой получила послѣ нихъ и дошли ли до насъ подлинныя списки литургіи ихъ времени, — на всѣ эти вопросы наука не можетъ дать, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, удовлетворительнаго отвѣта.

Много времени и усилій потратили ученые на изученіе такъ называемыхъ сакраментаріевъ Льва V. и Геласія, но лучшіе ученые критики пришли къ отрица-

тельными выводами по этому вопросу. Мы уже упоминали о сакраментаріи Льва В., найденномъ Блянхи-ніемъ въ 1735 г. въ библіотекѣ капитула Веронскаго; упоминали и о томъ, что съ самаго же начала заподозрили принадлежность папѣ Льву этого сакраментарія (Урсій или Орси и Мератъ) (1). Лучшій знатокъ по этой части и критикъ Мураторій былъ того мнѣнія, что этотъ сакраментарій не принадлежитъ папѣ Льву В., составленъ *позднѣе* Льва В., *можетъ быть* во времена Фелпкса III, въ концѣ V в., *вроятно* частнымъ чело-вѣкомъ, который собралъ въ одну книгу молитвы, составленныя Львомъ В. и его предшественниками; надпись надъ нимъ позднѣйшая, что видно уже изъ того, что у сакраментарія не достаетъ начала, именно первыхъ четырехъ мѣсяцевъ (2). Не смотря однакожь на доказанную учеными неподлинность сакраментарія (3) онъ все-таки былъ бы важенъ для насъ по несомнѣнной (4) своей древности, еслибъ только заключалъ въ себѣ то, что нужно для нашей цѣли; но, къ сожалѣнію, въ немъ не достаетъ важнѣйшихъ частей литургіи, того что называется *ordo et canon missae*. Нѣкоторые (5) думаютъ восполнить недостающее тѣмъ, что представляетъ кодексъ поученій Льва В., найденный въ Ватти-

(1) Въ обзорной литературы по этому предмету. Въ первый разъ сакраментарій Льва В. изданъ въ 1731 г. (In Proleg. ad Tom. quart. Anastasii Biblioth. edit. Blanch. Romae. 1736).

(2) Mur. De rebus liturg. Dissert. praev. cap. 3.

(3) Такъ что даже Бинтеримъ не захотѣлъ идти противъ общепринятаго мнѣнія.

(4) Хотя Бузенъ, основываясь на томъ, что въ сакраментаріи упоминается *imperiali Francorum*, не соглашается даже и съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ, установившимся въ наукѣ благодаря трудамъ авторитета въ этомъ случаѣ Мураторія. Бузенъ относитъ сакраментарій къ IX вѣку.

(5) Надрингъ Бинтеримъ IV, III, p. 17.

канской библиотекѣ. Тамъ къ поученіямъ Льва В. приложены именно тѣ важнѣйшія части литургіи, которыхъ не достаетъ саkraментарію Льва В. Но и въ этомъ случаѣ болѣе безпристрастные критики (1) справедливо обратили вниманіе на нѣкоторыя вставки въ канонѣ миссы, заподлинно принадлежащія Григорію В. (2) и на этомъ основаніи отвергли принадлежность вышеупомянутыхъ частей литургіи Льву В., хотя этотъ списокъ и заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Саkraментарій папы Геласія имѣетъ подобную же исторію, какъ и саkraментарій Льва В.; и относительно его также много высказано самыхъ противоположныхъ сужденій, и къ такимъ же почти результатамъ пришли ученые. Первый ознакомился съ извѣстнымъ теперь подъ именемъ саkraментарія папы Геласія кодексомъ королевы Христіны, привезеннымъ въ Римъ изъ Галліи (3), Моринъ въ 1657 г. и онъ же первый по догадкѣ назвалъ этотъ списокъ, *не имѣвшій надписанія* саkraментаріемъ Геласіевымъ. Подъ этимъ же названіемъ издалъ его позднѣе въ 1680 г. Томазіи (4), признавая однакожъ его не вполне чуждымъ позднѣйшихъ измѣненій и относя его къ VII в. Протестанты Баснажъ и Поафъ напали на него по этому случаю,

(1) Даніель напр. *Cod. liturg.* Т. 1, р. 8.

(2) Даніель замѣчаетъ, что здѣсь между прочимъ находятся слова: *diesque nostros in tua pace disponas*, которые по яснымъ историческимъ свидѣтельствамъ (см. ниже) приписываются Григорію В. Спрашивается какимъ обр. эти слова попали въ литургію Льва В., если она подлинная? Кроме того здѣсь же одна молитва прямо надписывается *именемъ св. Григорія*. Въ заключеніе Даніель совершенно справедливо замѣчаетъ, что весьма извѣстно, какъ переписчики во все время легко смѣшивали творенія отцевъ и приписывали одному то, что принадлежитъ другому.

(3) *Vatic. Biblioth.* № 1455.

(4) *Sacramentarium Gelasianum etc.* 1680.

отвергая подлинность изданнаго имъ сакраментарія и относя его къ X в. Мураторій, вновь издавши его, старался защищать подлинность обнародованнаго манускрипта, но принужденъ былъ сознаться, что онъ не древнѣе VIII в. и потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, вѣроятно, отъ того, что находился нѣкогда въ Галліи (1). Аббатъ Гербертъ наконецъ открылъ еще два списка въ монастырѣ Рейнгау и въ Санъ-Галлѣ подобные вышеупомянутому списку. Къ великому удивленію, мы замѣчаемъ, что вышеупомянутые списки литургіи Геласіевой почти буквально сходны съ древнѣйшимъ и наиболѣе уважаемымъ спискомъ григоріанской литургіи, такъ называемымъ Отобоніанскимъ (2). Въ высшей степени странно, что не замѣтили этого обстоятельства ни Томазій, которому впрочемъ простительно заблужденіе какъ издателю манускрипта, ни даже Мураторій, не говоря уже о Даніелѣ (3). Это можно развѣ объяснить однимъ ослѣпленіемъ, такъ нерѣдкимъ среди горячей полемики, которой подверглось на первыхъ же порахъ своего обнародованія новое открытіе, чѣмъ и объясняетъ это обстоятельство Бунзенъ (4), которому

(1) Что особенно смущало ученыхъ въ этомъ случаѣ,—это недостаточное количество *praefationes*, которыхъ въ этомъ кодексѣ было почти столько же, сколько и въ Григоріанскомъ, между тѣмъ какъ ожидали, судя по древнимъ свидѣтельствамъ, найти въ Геласіевомъ сакрамент. несравненно болѣе *praefationes*, чѣмъ оказалось. *Ecce et sacramentorum praefationes*, сказано о Геласіѣ въ *Lib. Pontif.*

(2) У Даніела въ параллельныхъ столбцахъ (Т. 1, р. 12—22) напечатанъ списокъ Рейнгау въ параллели съ Отобоніанскимъ литургіи Григ. В. При сравненіи ихъ не оказывается почти никакой между ними разницы.

(3) Даніель, вообще не довольно самостоятельный, въ этомъ случаѣ увлекся авторитетомъ Мураторія.

(4) *Nirrol.* Т. 11 р. 419. Этою только горячею полемикою можно объяснить ослѣпленіе такого замѣчательнаго критика, какъ Мураторій.

бросилось въ глаза буквальное почти сходство геласіанскаго канона миссы съ григоріанскимъ. Итакъ мы не имѣемъ ни одного подлиннаго памятника литургіи времени Льва В., ни литургіи времени Геласія, такъ что ни описать римской литургіи ихъ времени, ни тѣмъ менѣе опредѣлить, чѣмъ именно въ частности обязана римская литургія тому или другому изъ нихъ, мы не въ состояніи.

Гораздо болѣе несомнѣннаго извѣстно намъ относительно трудовъ Григорія В. по редакціи литургіи. Были, правда, ученые (1), которые отвергали участіе этого папы въ литургическихъ трудахъ, основываясь на молчаніи нѣкоторыхъ писателей VIII и IX в., (Беды, діакона Павла, Адо Вьенскаго, Амаларія, Агобарда) не говорящихъ о редакціонныхъ трудахъ Григорія В., а упоминающихъ только о прибавкѣ имъ къ канону миссы словъ: *Dies que nostros* и пр. За то другіе писатели не преминули поставить на видъ свидѣтельства папы Адріана I, (VIII в. современника VII Всел. соб.) и Екберта Йоркскаго (епископа 732 г.), Валафрида Страбона (IX в.) и біографа Григорія В., діакона Іоанна (IX в.). Папа Адріанъ утверждаетъ, что римская церковь приняла отъ Григорія В. *чинъ литургій*, чинъ торжествъ, чинъ молитвъ (*ordinem missarum, solemnitatum, orationum* (2); Валафридъ Страбонъ, — сказавши, что папа Геласій привелъ въ порядокъ (*ordinasse*) молитвы, какъ имъ

(1) Биттерия цитуетъ нѣкоторыхъ (IV, III, p. 28); это *Gussanvill Praeclat. in Antiphonar. Dupin Bibliothec. Georg. ab Eckhard Francia Orient.*

(2) *Pro Synodo Nicaeno II* (Г. IV. Concil. Harduini col. 778); *sed et sancta et apostolica ecclesia ab ipso sancto Gregorio papa—qui etiam librum super Job scripsit,—ordinem missarum, solemnitatum, orationum suscipiens, plures nobis edidit orationes*“.

сампмъ составленныя такъ и другими, что въ галликанской церкви были также свои молитвы, которыми доселѣ многіе пользуются, и что въ литургическихъ формулахъ было много вставокъ неизвѣстныхъ авторовъ, вставокъ не имѣющихъ цѣлости смысла, — рассказывать далѣе, что блаженный Григорій озабочился собрать (coadunare) все, что было сообразнаго (съ чистотою оригинальнаго текста) и исключивъ все растянутое и нескладное, составилъ книгу, называемую книгою танисгвъ; въ этой книгѣ если и есть что неисправнаго, то не имъ внесено, а нужно думать, прибавлено позднѣе его другими, менѣе заботливыми людьми (1). Біографъ Григорія В., писатель IX в. Іоаннъ Діаконъ, писавшій по порученію папы Іоанна VIII, сообщаетъ почти тоже, что и Валафридъ, т. е. что Григорій соединилъ, собралъ (coarctare) въ одну книгу литургическій кодексъ (de missarum solemnibus) Геласія, многое отбрасывая, немногое измѣняя, а иѣкоторыя вещи прибавляя (2). Но что особенно замѣчательно, такъ это свидѣтельство самаго Григорія В. о своихъ литургиче-

(1) „Nam et Gelasius papa in ordine II ita tam a se, quam ab aliis compositas preces dicitur ordinasse. Et Galliarum ecclesiae suis orationibus utebantur, quae adhuc a multis habentur. Et quia tam incertis auctoribus multa videbantur incerta et sensus integritatem non habentia, curavit beatus Gregorius rationalia quaeque condonare et seclusis his, quae vel niuida, vel inconcinna videbantur, composuit librum, qui dicitur Sacramentorum, sicut ex titulo ejus manifestissime declaratur: in quo si aliqua inveniuntur ad hunc sensum claudicantia, non ab illo inserta, sed ab aliis minus diligentibus postea credenda sunt superaddita“ (Walafr. Strab. De rebus ecclesiast. cap. XII).

(2) „Sed et Gelasianum codicem de missarum solemnibus, multa subtrahens, nonnulla vero adjiciens pro exponendis Evangelicis lectionibus, in unius libri volumen coarctavit“ (Іоанн. Діак. in vita S. Gregorii lib. 11. cap. 17).

скихъ трудахъ. Іоаннъ Діаконъ сохранилъ для насъ въ своей біографіи чрезвычайно важный отрывокъ изъ письма Григорія В. къ Іоанну еп. Сиракузскому (1), въ которомъ Григорій отвѣчаетъ на поднявшійся въ Сициліи ропотъ по поводу его литургическихъ трудовъ. Въ этомъ очень длинномъ отрывкѣ Григорій защищается противъ обвиненія въ томъ, что онъ въ своихъ литургическихъ трудахъ подражаетъ грекамъ, и выражая въ то же время готовность слѣдовать во всемъ, что есть хорошаго въ той или другой церкви, будетъ

(1) S. Gregorii Epist. ad Ioann. Syracens. lib. IX. Epist. 12. Считаемъ нужнымъ привести вполнѣ весь дошедшій до насъ весьма замѣчательный отрывокъ изъ письма Григорія В. „Одинъ прѣлжій Сициліанецъ сообщалъ мнѣ, что некоторые изъ его друзей, не зная греки или латиняне, подъ предлогомъ ревности по римской церкви, ропщутъ на мои распоряженія, говоря: какимъ образомъ онъ предполагаетъ обуздать (сompungere) церковь Константинопольскую, онъ, который во всемъ слѣдуетъ обычаямъ послѣдней? Когда я спросилъ, какими же обычаямъ мы слѣдуемъ? Онъ отвѣчалъ: вы установили произносить аллилуія на литургіи въ время пятидесятницы, ходить иподіаконамъ не одѣтымъ (въфронтно въ тунику), говорить Кугіе еіеізон, произносить молитву Господню тотчасъ послѣ канона. Я отвѣтилъ ему: ни въ чемъ изъ этого мы чужой церкви не слѣдовали. Пбо, что касается произношенія аллилуія, то говорятъ, что это заимствовано изъ церкви іерусалимской, изъ преданія блаженнаго Іеоронима, во времена блаженной памяти папы Даваса; и тѣмъ болѣе, что мы на этомъ епископскомъ престолѣ (во время своего епископства) измѣнили ничто (amputavimus — обрѣзали), въ этомъ обычаѣ переданномъ намъ греками. А если я приказалъ иподіаконамъ ходить безъ одежды, то таковъ былъ древній обычай. По одному изъ нашихъ первосвященниковъ, не знаю какому, было угодно приказать имъ ходить въ одеждахъ. И ваши собственныя церкви ужасно заимствовали преданіе отъ грековъ? Оттуда и у васъ вашъ нынѣшній обычай, чтобы иподіаконы ходили въ льняныхъ туникахъ, если не отъ того, что онъ заимствованъ отъ матери вашей римской церкви. Кугіе же еіеізон мы и не произносимъ и не произносили такъ, какъ греки; пбо у грековъ произносятъ это всѣ, а у насъ клирики (начинаютъ), а народъ отвѣчаетъ и столько же (разъ) попеременно произносится Christe eleison, чего у грековъ никогда не употребляется. Въ ежедневныхъ литургіяхъ иное, что обычно-

ли то греческая или другая церковь, онъ между прочимъ въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: „И такъ въ чемъ же мы слѣдовали обычаямъ грековъ,—мы, которые или *возстановили древніе наши обычаи или учредили новые* полезные, чѣмъ докажутъ, что мы подражали другимъ?“—Если мы привели всѣ эти свидѣтельства о литургической дѣятельности Григорія В., то сдѣлали это не столько для подтвержденія несомнѣнной истины его участія въ литургическихъ трудахъ, сколько для того, чтобы на основаніи вышеприведенныхъ свидѣ-

венно произносится, мы проходимъ молчаніемъ (*alia, quae... tacemus*); только произносимъ *Kyrie eleison* и *Christe eleison*, чтобы нѣсколько подолѣе занимать себя этими молитвенными возглашеніями. А молитву Господню (*orat. dominicam*; потому мы произносимъ тотчасъ же послѣ молитвы (*ost. presens*), что таковъ былъ апостольскій обычай, при помощи этой только молитвы освящать жертву приношенія (*ut ad ipsam solenniter orationem oblationis hostiam consecrarent*): и мнѣ кажется весьма несообразнымъ то (обстоятельство), что надъ приношеніемъ (дарами) мы произносимъ молитву составленную схоластикомъ (*ut presens, quam scholasticus composuerat, super oblationem diceretur*), а не произносимъ надъ тѣломъ и кровію Спасителя нашего, того, что онъ Самъ предалъ и что составилъ. Но и молитва Господня у грековъ произносится всѣмъ народомъ, а у насъ *онымъ только священникомъ*. И такъ въ чемъ же мы слѣдовали обычаямъ грековъ,—мы, которые или *возстановили древніе наши обычаи или учредили новые* и полезные; чѣмъ докажутъ намъ, что мы подражали другимъ? И такъ пусть любовь ваша, если представится вамъ случай быть въ Катаняхъ или въ Сиракузской церкви, сличивши (*facta collatione*—върочно греческій и римскій обычай), научить тѣхъ, о которыхъ вы думаете и знаете, что они могутъ ронять относительно сего, равно какъ не оставить безъ наставленія и въ другихъ случаяхъ. Что же касается до того, что они говорятъ о константинопольской церкви, то кто сомнѣвается въ подчиненіи ея апостольскому престолу? Что постоянно подтверждаютъ и благочестивѣйшій господаица Императоръ и братъ (нашъ) епископъ этого города. Впрочемъ, если что есть хорошаго въ этой или другой церкви, я готовъ подражать въ хорошемъ и меньшимъ моимъ, которымъ я запрещаю недозволенное. Глупъ тотъ, кто полагаетъ свое первенство въ томъ, чтобы пренебрегать учиться (у низшихъ себя) тому, что онъ видитъ у нихъ хорошаго“.

тельство сдѣлать выводъ относительно характера и направленія его трудовъ. Изъ вышеизложенныхъ свидѣтельствъ вытекаетъ тотъ несомнѣнный результатъ, что труды Григорія В. состояли въ пересмотрѣ, сокращеніи, измѣненіи и пополненіи прежней римской литургіи и въ приведеніи всѣхъ прежнихъ трудовъ, равно какъ и своихъ собственныхъ въ одно стройное цѣлое, заключенное въ одну книгу, словомъ въ томъ, что мы называемъ редакціею литургіи. Ни о чемъ иномъ, а именно объ этомъ говорятъ свидѣтельства: фраза Адриана, что римская церковь отъ Григорія получила *чинъ Литургій* (*ordinem missarum*)—Валафрида Страбона, что Григорій *постарался собрать* все, что было сообразнаго и, *исключивъ* все растяннутое и нескладное, составилъ *книгу* таинствъ,—Іоанна Діакона, что Григорій *сократилъ* въ одну книгу литургическій кодексъ Геласія, многое *отбрасывая*, немногое *измѣняя*, и *нѣчто прибавляя*,—самаго наконецъ Григорія В., что онъ *возстановилъ* древніе, римскіе обычаи и *учредилъ новыя*, полезныя. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что, занявшись редакціею литургіи, Григорій В. имѣлъ подъ руками не только труды прежнихъ римскихъ литургистовъ, но и труды Василія В. и Златоуста. Это видно изъ обвиненія его современниками въ подражаніи грекамъ, на чемъ нибудь основаннаго же,—обвиненія, опровергая которое Григорій принужденъ былъ въ заключеніе сознаться, что въ хорошемъ онъ всегда готовъ подражать всякой церкви—греческой ли—то, или другой какой. Мало того, мы можемъ съ большою вѣроятностью опредѣлить время, къ которому относится Григоріева редакція литургіи. Основываясь на прибавленіи нѣкоторыхъ словъ къ канону миссы, поводомъ къ чему,

какъ догадываются, послужило нападеніе на Римъ Агилульфа, короля Ломбардскаго, въ 594 г., относятъ разсматриваемую редакцію къ этому году (1). Переходя наконецъ къ древнимъ памятникамъ сакраментарія Григорія В., мы и въ этомъ случаѣ не имѣемъ особенныхъ причинъ жаловаться на недостатокъ и неподлинность этого рода данныхъ. Мы имѣемъ сравнительно довольно древніе списки литургіи Григорія В., не чуждые, правда, вставокъ, но не представляющіе однакожъ непреодолимыхъ трудностей въ дѣлѣ реставраціи подлинной литургіи времени Григорія В. Напрасно мы стали бы искать списковъ григоріанской литургіи совершенно чуждыхъ вставокъ; мы знаемъ, что во времена Валафрида Страбона (849 г.), какъ видно изъ его словъ, нѣчто оказывалось уже вставленнымъ въ сакраментарій Григорія В., и безъ сомнѣнія вставка и измѣненія начались еще ранѣе IX в., сряду же послѣ смерти Григорія В. (604 г.) въ VII и VIII в. Мы уже упоминали (2) что сначала одинъ за другимъ были изданы три списка—Кельнскій Памелія 1571 г., Ватиканскій—А. Рокка 1597 г., Елигіанскій—Менардомъ 1642 г. Но ученые не удовлетворились ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ спискомъ. Отдавая предпочтеніе Кельнскому списку Памелія предъ остальными двумя, они однакожъ далеко не были имъ удовлетворены (3).

(1) Мы уже упоминали о прибавкѣ къ канону миссы этихъ словъ, — прибавкѣ единогласно приписываемой историками (между прочимъ и Іоанномъ Діакономъ) Григорію В. Эти слова, содержащія въ себѣ моленіе о мирѣ, слѣд.: „Diesque nostros in tua pace disponas atque ab aeterna damnatione nos eripi, et in electorum tuorum iubeas, grege numerari“. Молитва о мирѣ и послужила поводомъ къ этой догадкѣ. Такъ думаетъ между прочимъ Геранже, цитую Classoni (Vitae Pont. Rom. Tom. 1 p. 401).

(2) См. въ обзорѣннй литературы предмета.

(3) Кодексъ Памелія, по замѣчанію ученыхъ, содержитъ въ себѣ

Всего болѣе удовлетворили ученыхъ такъ называемый списокъ Отобоніанскій и сходный съ нимъ Ватиканскій (другой, не тотъ, который изданъ отъ А. Рокка). Оба эти списка и Отобоніанскій (1) и Ватиканскій 2-й открыты Бляхпниемъ, который прислалъ ихъ Мураторію для оцѣнки. Мураторій въ первый разъ ихъ издалъ въ 1748 г. (2), признавъ списокъ Отобоніанскій и Ватиканскій 2-й древнѣе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, отнеши пхъ написаніе къ концу VIII и началу IX в. (3). Съ

мало праздниковъ сравнительно съ другими списками; этотъ признакъ, равно какъ и нѣкоторые другіе заставили ученыхъ признать его сравнительно древнимъ, но въ подлинности его они все-таки сильно сомнѣваются. Списокъ А. Рокка, по мнѣнію Мураторія, далеко менѣе древень, чѣмъ предъидущій. О кодексахъ Менарда Мураторій думаетъ, что онъ есть не что иное, какъ плодъ фабрикаціи извѣстнаго Алкуина и потому еще менѣе первыхъ двухъ заслуживаетъ вниманія. Одѣнку всѣхъ этихъ списковъ см. у Daniel. Cod. liturg. t. 1 p. 9. и особенно у Бинтерша *Vorzügl. Denwürdigk. IV, III p. 37--40.*

(1) Онъ сперва находился въ Галліи у Павла Петавія, парижскаго сенатора, потомъ перешелъ къ шведской королевы Христинѣ, а наконецъ попалъ въ Отобоніанскую бібліотеку. Daniel Cod. liturg. T. 1. p. 8.

(2) Въ своемъ сочиненіи *Liturgia Romana vetus, Venetiis*, во второй книгѣ. Въ сочиненіи же *Dissertat. de rebus liturgicis* стр. 6. онъ еще болѣе изслѣдовалъ эти списки.

(3) Выпишемъ отзывъ Мураторія объ этихъ спискахъ. „Должно повторить здѣсь, говоритъ онъ, что въ обоихъ кодексахъ, Ватиканскомъ т. е. и Отобоніанскомъ предъ нами чистый, цѣлый Сакраментарій, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ св. Григорія. Есть правда нѣсколько позднѣйшихъ прибавленій къ тому и къ другому въ праздникахъ: для прѣвѣра довольно указать на праздники самаго св. Григорія въ IV Иды Марта и на миссу св. Маріи мученицы въ III Иды Мая; что, полагаютъ, установлено напою Бонифациемъ IV около 610 г. Тамъ же менѣе упомянутые близнецы (geminis) кодексы Ватиканскій, т. е. и Отобоніанскій, не теряютъ отъ того своей цѣны—цѣны памятниковъ отдаленнѣйшей древности, такъ что нужно полагать, время написанія обоихъ относится или къ концу VIII, т. е. къ 800 г. Христову или къ первымъ годамъ IX. в.“ Затѣмъ приводитъ основаніе, почему онъ такъ думаетъ. Папа Левъ III, говоритъ онъ, сдѣлался первосвященникомъ въ 795 г., а умеръ въ 816. Анастасій Библіотекаръ этому папѣ приписываетъ учрежденіе литаній за три дня до Вознесенія. Такимъ образомъ, въ

тѣхъ поръ и доселѣ ученые считаютъ Отобоніанскій списокъ древнѣйшимъ (1). Сверхъ того Бунзенъ напечаталъ фрагменты кодекса изъ палимпсеста Кассинскаго, по мнѣнію Бунзена современнаго Григорію В., мало впрочемъ помогающіе дѣлу возстановленія подлинной литургіи Григорія В., такъ какъ палимпсестъ почти не могъ быть возстановленъ (2).

Приступая къ возстановленію подлиннаго текста римской литургіи въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ разсматриваемый періодъ, мы должны ограничиться воспроизведеніемъ подлиннаго текста литургіи только времени Григорія В., такъ какъ нѣтъ никакой возможности, не грѣша противъ строгой исторической критики, возстановить литургію Льва В. или папы Геласія или времени, предшествовавшаго жизни и дѣятельности этихъ папъ. Все, что мы можемъ сдѣлать въ этомъ послѣднемъ отношеніи, — это при возстановленіи литургіи Григорія В. дѣлать коротенькія замѣтки относительно нѣкоторыхъ не многочисленныхъ, впрочемъ исторически извѣстныхъ, перемѣнъ въ римской литургіи, приписываемыхъ тому или другому дѣятелю предъидущаго времени. Владѣя спискомъ литургіи Григорія

Римъ только въ это время введены были малыя литаніи или Rogationes, въ Галліи употреблявшіяся за нѣсколько вѣковъ прежде. Между гмз. литихъ литаній мы не встрѣчаемъ ни въ Ватиканскомъ, ни въ Отобоніанскомъ кодексахъ (въ кодексѣ же Менарда онѣ уже находятся). „Итакъ вполнѣ утвердительно можно положить (firmo decreto statui potest), что эти кодексы — близнецы были написаны въ концѣ VIII или въ началѣ IX в.“. Текстъ всего этого сужденія см. у Бунтерима — IV, III p. 40—41.

(1) Даніель, Бунтеримъ. У Даніела въ сравнительныхъ столбцахъ напечатанъ текстъ кодекса Отобоніанскаго.

(2) Напечатанъ въ концѣ II тома подъ заглавіемъ: *Fragmenta codicis palimpsesti Cassinensis № 345*. Изъ него только въ нѣкоторыхъ молитвахъ могли быть реставрированы не многія слова; въ цѣлой же половинѣ молитвъ не могло быть возстановлено ни одно слово.

В. замѣчательной древности и признанной въ ученѣмъ мѣрѣ подлинности—Отобоніанскимъ (Othobonianus), мы считаемъ самымъ лучшимъ, вмѣсто анализа составныхъ частей литургіи, къ какому мы прибѣгли доселѣ при восстановленіи другихъ западныхъ національныхъ литургій, передать читателямъ весь текстъ Григоріевой литургіи отъ слова до слова въ переводѣ на русскій языкъ; мы находимъ это тѣмъ болѣе удобнымъ, что разсматриваемая литургія отличается замѣчательною краткостью. Въ заключеніе же приложимъ характеристику этой литургіи въ сравненіи съ восточною православною, равно какъ и съ другими западными національными литургіями.

Вотъ римская литургія Григорія В. по Отобоніанскому списку (¹).

«I. Во имя Господне начинается годичный сакраментарій, изданный св. Григоріемъ, папою римскимъ (²). Какъ совершается римская мисса.

(¹) Пользуемся при этомъ Cod. liturg. T. 1, p. 12—21 Даниеля и приложениями къ II т. Бунзенова Hipp. p. 609—614. Бунзенъ не слѣдуетъ впрочемъ ни одному списку исключительно (Canon S. Gregorii secundum vetustissimos libros restitutus), по результатъ его работы представляетъ почти совершенно то же, что и списокъ Отобоніанскій. Странно, почему въ Sive. compl. Patrologiae—Migne T. LXXVIII текстъ литургіи Григоріевой напечатанъ по Менардову списку, съ примѣчаніями послѣдняго. Правда, помѣщенный у Migne текстъ Менардовъ почти нѣсколько не отличается отъ того, которому мы слѣдуемъ, но все-таки есть незначительныя разности. Отъ чего не взяты текстъ и примѣчанія у Мураторія?

(²) Въ нѣкоторыхъ спискахъ: Ватиканскомъ, Елліанскомъ (Менардовомъ) и др. еще вставлены слова: ex authenticis libro bibliothecae (publicae scripturae. Археологи объясняютъ эти слова слѣд. обр. Вблизи церкви св. Петра было Subiculum, зданіе, гдѣ, между прочимъ, помѣщалась бібліотека по преимуществу книгъ богослужебныхъ. По требованію Карла V. о высылкѣ подлиннаго сакраментарія Григоріева брали отсюда книги, списывали ихъ и, въ видѣ удостовѣренія въ подлинности, надписывали рукопись такимъ образомъ. Murat. Lit. R. 1, p. 77.

«II. То есть впервыхъ *входное*, какое оно бываетъ въ установленныя времена, въ праздники или въ обыкновенные дни (1).

«III. Затѣмъ *кирие елейсонъ* (2).

«IV. Далѣе *«слава въ вышнихъ Богу»* при епископѣ только въ воскресные и праздничные дни (3). При пресвитерахъ же не произносится, исключая Пасхи. А когда совершается литанія, тогда не поется ни *«слава въ вышнихъ Богу»* ни *«аллилуія»*.

«V. Потомъ *молитва*.

«VI. За нею слѣдуетъ *Апостолъ*.

«VII. Затѣмъ *Степененъ* (Gradalis) или *аллилуія* (4).

«VIII. Далѣе читается *Евангеліе*.

(1) По словамъ Lib Pontif. (in vita S. Coelestini an. 122) псалмы стали составлять начало римской литургіи со временъ папы Целестина. „Sic constituit, ut psalmi David et ante sacrificium psallerentur, quod ante non fiebat, nisi tantum epistola B. Apostoli Pauli recitabatur et S. Evangelium et sic missae fiebant. Et constituit Gradale post officium ad missas cantari, id est responsorium in gradibus“. Так. обр. общія всему христ. міру замѣна ветхозав. чтеній антифонами случилась въ Римѣ еще до времени Льва В., въ началѣ V в.

(2) Трудно сказать что нибудь рѣшительное о времени введенія *кирие елейсонъ* въ этомъ мѣстѣ римской литургіи. Съ одной стороны изъ извѣстнаго письма Григорія В. къ Сиракуз. епископу видно, что Григорій В. упрекали за нововведеніе *кирие елейсонъ* и Григорій не ссылается, какъ въ другихъ случаяхъ, на древность этого обычая; съ другой 3 пр. собора Вазскаго (529 г): quia tam in Sede apostolica, quam... consuetudo est, ut kyrie eleison frequentius cum grandi affectu et compunctione dicatur: placuit etiam nobis etc. удовлетворяетъ насъ, что *кирие елейсонъ* за долго еще до Григорія было въ употребленіи при литургіи. Только неизвѣстно, было ли оно до Григорія В. въ этомъ мѣстѣ литургіи.

(3) Мы уже видали, что по Lib pontif. Телесфору (128—138) приписывается введеніе этой пѣсни въ литургію, но только въ литургію рожд. Хр. Болѣе же постоянное употребленіе при епископской литургіи та же книга приписываетъ папѣ Симмаху († 514). См. подробн. объ этомъ въ комментаріяхъ у Даниеля, т. 1, стр. 25.

(4) О пвній аллилуія самъ Григорій В. свидѣтельствуетъ, что оно замесговино отъ церкви Іерусалимской, во времена папы Дамаса, слѣдственно до него. См. его письмо къ сиракузск. епископу.

«IX. Потомъ *приношеніе* (offertorium) (1) и произносится *молитва надъ приношеніемъ* (oratio super oblata).

«X. По совершеніи всего этого, священникъ возвышеннымъ голосомъ произноситъ:

Во всѣ вѣки вѣковъ.

Аминь.

Господь съ вами.

И со духомъ твоимъ.

Горѣ сердца.

Имѣемъ ко Господу.

Благодаримъ Господа Бога нашего.

Достойно и праведно есть.

«XII. Воистину достойно и праведно, справедливо и спасительно намъ благодарить Тебя всегда и вездѣ, св. Господи, Отче всемогущій, вѣчный Боже, чрезъ Христа, Господа нашего, чрезъ Котораго ангелы хвалятъ величіе Твое, господства поклоняются (ему), власти трепещутъ (его), во взаимномъ ликоствованіи небеса и силы небесныя вмѣстѣ съ блаженными серафимами прославляютъ. Съ ними повели допустить и наши гласы, умоляемъ въ прилежномъ исповѣданіи взывая: святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваооѣ. Полны суть небеса и земля славы Твоея. Осанна въ вышнихъ. Благословенъ грядый во имя Господне. Осанна въ вышнихъ (2).

«XIII. Итакъ, всемилостивый Отче, усердно молимъ и просимъ Тебя чрезъ Иисуса Христа Сына Твоего Господа нашего,

(1) Во время *приношеніи* пѣли стихи псалма, которые заключались не въ *сакраментаріи*, а въ *антифонаріи*, какъ это нужно замѣтить вообще о всемъ, что пѣлось въ литургіи оглашенныхъ. Чтеніе св. Писанія производилось по различнымъ *лекціонаріямъ*. Оттого мы и находимъ въ *сакраментаріи* только краткія рубрики относительно литургіи оглашенныхъ.

(2) Это *Præfatio* есть единственно подлинное *præfatio* Григорія В. Оно одно и было при этомъ папѣ. А что въ некоторыхъ спискахъ находимъ нѣсколько *præfationes*, это, по мнѣнію Мураторія, вставки позднѣйшихъ времени. Murat. Lit. Rom. 1, p. 65—69.

примъ и благослови сѣи + дары, сѣи + приношенія, сѣи + святыя непорочныя жертвы (1). Которыя мы приносимъ во-первыхъ за церковь Твою святую католическую; благоволи умиротворить, оградить, соединить ее и царствовать ей единой надъ всѣмъ міромъ вмѣстѣ съ рабомъ Твоимъ напою нашимъ (такимъ-то) (2) и предстоятелямъ (antistite) нашимъ (такимъ-то) и всѣми православными и читателями католической и апостольской вѣры.

«XIV. Помини, Господи, рабовъ и рабынь Твоихъ и всѣхъ предстоящихъ, вѣра которыхъ Тебѣ извѣстна и извѣстно благочестіе тѣхъ, за которыхъ Тебѣ приносимъ (3) или которые Тебѣ приносятъ эту жертву хвалы за себя и за всѣхъ своихъ, о спасеніи своихъ душъ, о надеждѣ здравія и благосостоянія своего и воздають обѣты свои Тебѣ, вѣчному Богу живому и истинному.

«XV. Имѣя кунное общеніе (4) и почитая память во первыхъ славной Приснодѣвы Маріи, Матери Бога и Господа нашего Иисуса Христа, блаженныхъ же апостоловъ и мучениковъ Твоихъ Петра, Павла, Андрея, Іакова, Іоанна, Фомы, Іакова, Филиппа, Варооломея, Матоея, Симона и Ѳаддея, Лина, Клета,

(1) + haec dona, haec + munera, haec + sancta sacrificia imibata.

(2) Въ этомъ мѣстѣ особенно много разногласіи тексты литургии Григорія В. по различнымъ спискамъ. Но однимъ вмѣстѣ съ напою упоминается и царь или императоръ, въ другихъ нѣтъ словъ antistitem (предстоятеля), во многихъ нѣтъ словъ: et omnibus orthodoxis, въ четырехъ же спискахъ нѣтъ ничего послѣ словъ: cum beatissimo famulo tuo papa nostro. См. Даниеля т. 1. стр. 33.

(3) Это мѣсто принадлежитъ къ числу мѣстъ, возбуждающихъ споры. Почти во всѣхъ кодексахъ стоитъ только: qui Tibi offerunt. Только въ одномъ Отобоніанскомъ находится вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіе: pro quibus Tibi offerimus. Въ Авіенскомъ и др. спискахъ послѣднее выраженіе приписано на поляхъ позднѣйшею рукою. Daniel. T. 1. p. 34.

(4) Communicantes et memoriam venerantes. Первое выраженіе слишкомъ отрывочное выраженіе и потому представляетъ большія трудности для перевода и пониманія истиннаго его смысла. На всемъ этомъ Бунзенъ построилъ одну изъ своихъ остроумныхъ гипотезъ; съ нею мы познакомимся далѣе.

Климентя, Ксеста, Корнелія, Кипріяна, Лаврентія, Хрисогона, Иоанна и Павла, Козьмы и Даміана (1) и всѣхъ святыхъ Твоихъ, заслугами и молитвами которыхъ даруй намъ оградиться во всемъ помощью Твоего покровя. Черезъ Господа нашего Исуса Христа.

«XVI. Итакъ молимъ Тебя, Господи, милостиво прими сіе приношеніе не только насъ, рабовъ Твоихъ, но и всѣхъ слугъ Твоихъ (*servitutis nostrae, sed et cunctae familiae tuae*), дни наши въ міръ утверди и отъ вѣчнаго осужденія насъ исхити (2) и сопричти насъ къ избранному Твоему стаду. Черезъ Христа Господа нашего.

«XVII. Молимъ Тебя, Боже всяческихъ (3), сподоби + содѣлать это приношеніе + благословеннымъ (*benedictam*), + сопричисленнымъ (*adscriptam*), + мысленнымъ (*ratam*) + умнымъ (*rationalitem*, что соотвѣтствуетъ греческому *λογικόν*) (4), + приятнымъ (*acceptabilemque*), да будетъ оно намъ тѣломъ + и кровію + возлюбленнѣйшаго Сына Твоего Господа нашего І. Христа.

«XVIII. Который наканунѣ страданій взялъ хлѣбъ во святія и достопоклоняемая (*venerabiles*) Свои руки, возведъ очи къ небу, къ Тебѣ Богу Отцу своему всемогущему, совершая благодареніе Тебѣ, благословилъ + преломилъ и далъ своимъ ученикамъ, говоря: примите и ядите отъ сего вси. Сіе есть тѣло мое.

«XIX. Подобнымъ образомъ по вечери принявъ и сію преславную чашу во святія и достопоклоняемая свои руки, также совершая Тебѣ благодареніе, благословилъ + далъ ученикамъ

(1) Послѣ Козьмы и Даміана въ различныхъ спискахъ поименованы разные святые. См. Даниеля т. 1. стр. 35.

(2) По свидѣтельству многихъ писателей, какъ мы видѣли, слова эти прибавлены Григоріемъ В.

(3) *Quam oblationem Tu Deus in omnibus quaesumus...* Но нашему мнѣнію *in omnibus* относится къ Deus, а не къ слѣдующимъ словамъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые нѣмецкіе переводчики.

(4) Это мѣсто очень трудно, для перевода: *benedictam, adscriptam, ratam, rationalitem acceptabilemque facere digneris, ut nobis etc.*

своимъ, говоря: примите, пійте отъ нея вси. Ся есть чаша моеѣ крови, новаго и вѣчнаго завѣта, таинство вѣры: яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ. Елижды бо аще сіе творите, въ мое воспоминаніе творите (1).

«XX. Оттоль и мы, Господи, Твои рабы, но вмѣстѣ и Твоей святой народъ, памятуя какъ святые страданія, такъ воскресеніе изъ преисподней, и славное вознесеніе на небеса Христа Сына Твоего Господа Бога нашего: приносимъ преславному Твоему величію отъ Твоихъ благъ и даровъ жертву чистую +, жертву святую + жертву + непорочную (2), святой + хлѣбъ вѣчной жизни и чашу + вѣчнаго спасенія. Благоволи взрѣть на сіе милостивымъ и свѣтлымъ окомъ и принять, какъ удостоилъ Ты принять дары праведнаго отрока Твоего Авеля и жертвоприношеніе патриарха нашего Авраама и ту святую непорочную жертву, которую принесъ Тебѣ великій священникъ (*summus sacerdos*) Твой Мельхиседекъ.

«XXI. Смиренно просимъ Тебя, всемогущій Боже, повели, да будетъ принесено сіе на высокой алтарь Твой руками Твоего ангела предъ взоры божественнаго Твоего величія: да приобщаясь отъ этого алтаря пресвятаго тѣла + и крови Сына Твоего, исполнимся всякаго небснаго благословенія и благодати.

«XXII. Еще помяни Господи рабовъ и рабынь Твоихъ (такихъ то), отшедшихъ прежде насъ со знаменіемъ вѣры (*qui nos praecesserunt cum signo fidei*), почивающихъ сномъ мира. Имъ и всѣмъ во Христѣ покоящимся, молимъ, даруй мѣсто прохладное, свѣтлое и мирное. Черезъ Христа Господа нашего (3).

(1) Въ словахъ установленія всѣ кодексы вообще удивительно сходны. (2) Имятвѣнныхъ варіаціяхъ см. у Давіела т. 1. стр. 37.

() Имятвѣнныхъ слова, какъ мы видѣли многими древними писателями приписываются Льву V.

(3) Относительно этой молитвы равно какъ и слѣдующей (*Nobis quoque peccatoribus*) археологи замѣчаютъ слѣд. *Memento etc.* нѣтъ въ большинствѣ списковъ (*S. Gelasianum, cod. Eligian., Rheinaug. Augi-*

«XXIII. И намъ также грѣшнымъ рабамъ Твоимъ, надѣющимся на множество Твоихъ милостей, сподоби дать нѣкую часть и общеніе съ св. Твоими апостолами и мучениками Іоанномъ, Стефаномъ, Матвеемъ, Варнавою, Игнатіемъ, Александромъ, Марцеллиномъ, Петромъ, Фелицитатой, Перпетуей, Агатой, Люціей, Агнесой, Цециліей, Анастасіей и со всеми святыми Твоими. Въ сообщество съ которыми, просимъ, допусти насъ не какъ воздаятель по заслугѣ, но какъ податель прошенія (1). Черезъ Христа Господа нашего. Черезъ Котораго всѣ эти блага, Господи, Ты созидаетъ (creas), освящаетъ + животворишь + благословляешь + и даруешь (praestas) намъ. Черезъ Него и съ Нимъ и въ Немъ Тебѣ Богу Отцу всемогущему въ единствѣ Св. Духа всякая честь и слава во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

«XXIV. Помолимся.

Помянувъ спасительныя заповѣди и принявъ божественное наставленіе (praeseptis salutaribus moniti et divina institutione formati), держаемъ изречь: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... (2).

евс., San-Gall.), въ другіе же вставлено позднѣйшей рукой (San-Blas. Petersh.). Мураторій думаетъ, что это по небрежности писцовъ, а Ассемани, что обычай поминать умершихъ требовалъ чтенія особенныхъ диптиховъ. Даніель, а вмѣстѣ съ нимъ Бунзенъ думаютъ, что эта часть не была непременною принадлежностью каждой литургіи, а употреблялась сначала только въ заупокойныхъ литургіяхъ. Даніель указываетъ на слѣдующую рубрику въ Miss. San-Gallensi: si fuerit, ut nomina defunctorum recitentur, dicit sacerdos: Memento etc. Даніеля т. 1. стр. 38—39. Но такія сужденія очень поспѣшны и объясняются протестантскими убѣжденіями авторовъ; разумежь Даніеля и Бунзена.

(1) Non aestimator meriti sed veniae quaesumus largitor admittite. Это мѣсто довольно трудно для перевода. Смыслъ получается различный, смотря потому какъ мы будемъ понимать слово meriti. Намъ кажется, всего лучше допустить Менардово толкованіе, который употребляетъ meriti въ значеніи demeriti peccati, на томъ основаніи, что далѣе слѣдуетъ sed veniae largitor.

(2) Догадываются, что въ этомъ мѣстѣ литургіи окончательно закрѣпиль молитву Господню Григорій В., основываясь на известномъ мѣстѣ его письма къ Сиракуз. епископу. Подробное разсужденіе объ

«XXV. Избави насъ, молимъ (Тебя), Господи, отъ всѣхъ золъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, предстательствомъ блаженной и славной Приснодѣвы, Богородицы Маріи и блаженныхъ апостоловъ Твоихъ Петра и Павла и Андрея... (¹), блаженного Діонисія мученика Твоего и епископа (pontifice) съ присными его (cum sociis suis) Рустикомъ и Елвоеоріемъ и блаженнымъ Хлодоальдомъ исповѣдникомъ Твоимъ и со всѣми святыми, милостиво даруй миръ во дни наши, дабы, поддерживаемые помощью Твоего милосердія, мы были какъ всегда свободны отъ грѣха, такъ и безопасны отъ всякаго смущенія. Черезъ Господа нашего І. Христа Сына Твоего, съ Тобою живущаго и царствующаго Бога во единствѣ Св. Духа во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

«XXVI. Миръ Господень да будетъ со всѣми вами.

Отвѣчаютъ:

И со духомъ Твоимъ» (²).

Не зная, какой именно видъ представляла римская литургія въ ея цѣломъ объемъ во времена предшествовавшія Григорію В., мы не можемъ опредѣлить и того, что въ дошедшей до насъ подлинной литургіи Григоріевой есть новаго противъ прежняго времени и что наследовано ею отъ предъидущаго времени, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, на которыя мы и указываемъ предметъ см. dalje въ разсужденіяхъ по вопросу о преемствленіи въ римской литургіи.

(¹) Въ этомъ мѣстѣ встрѣчаемъ опять большое разнообразіе; въ различныхъ спискахъ встрѣчаемъ имена разнчныхъ святыхъ. См. Даниели т. 1. стр. 43.

(²) Во многихъ спискахъ (Vaticanus, Eligianus, San-Blasiensis) еще полагаются сверхъ того въ заключеніе произносить однажды или трижды: *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis*. Но это позднѣйшая прибавка, хотя Бузвель и считаетъ ее древнею частью Григоріевой литургіи (т. II. 613). Ибо, по древнимъ писателямъ, папа Сергій (660 г.) въ первый разъ поставовлялъ, чтобы во время преломленія пѣлась пѣснь *Agnus Dei*. См. Даниеля т. 1. стр. 43—44. Конецъ литургіи неизвѣстенъ.

зали въ примѣчаніяхъ къ тексту. Мы не имѣемъ смѣлости дѣлать такихъ почти совершенно бездоказательныхъ гипотезъ, какія дѣлаетъ Бунзенъ (1), пытаясь возстановить текстъ римской литургіи вѣрныхъ V в. Не можемъ также подражать пріему и тѣхъ писателей, которые, оставляя въ сторонѣ изученіе древнихъ литургическихъ списковъ, идутъ къ рѣшенію вопроса о составѣ литургіи того или другаго времени путемъ подбора разныхъ данныхъ, преимущественно изъ *Liber Pontificalis* и древнихъ каталоговъ римскихъ папъ и, дополняя эти данныя своими собственными догадками, хотятъ представить развитіе римской литургіи съ ничтожнаго зародыша, принимавшаго все болѣе и болѣе

(1) Попытка Бунзена возстановить текстъ римской литургіи вѣрныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдній существовалъ въ V в. (*rites eucharistiques ecclesiae romanae quarti saeculi* T. II. p. 614), дѣлаетъ большую честь остроумію автора, но къ сожалѣнію носитъ на себѣ характеръ чистой гипотезы, какъ мы уже замѣтили. Замѣчая недостатокъ стройности въ литургіи Григорія В. относительно логическаго теченія мыслей, онъ находитъ вставки (принадлежащія будго бы Григорію, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недостаетъ этой стройности и по произволу выпускаетъ нѣкоторыя части, чтобы получить желаемое т. е. литургію V в. Такимъ образомъ, предъ молитвою: *Communicantes* онъ выпускаетъ поминовеніе живыхъ, выраженное въ молитвѣ: *Memento Domine famulorum*, дѣлая это еще и въ томъ предположеніи, что поминовеніе живыхъ было дѣломъ собственно діакона, который и читалъ двитици и потому (?), по его мнѣнію, это поминовеніе было не всегда, а только по требованію нужды. Далѣе онъ выпускаетъ молитву: *Sorripies Te cogimus*, считая ее произведеніемъ Григорія, что впрочемъ отчасти справедливо. Выпускаетъ затѣмъ молитвы поминовенія усопшихъ: *Memento etiam Domine* и *Nobis quodque*, предполагая, что эти молитвы до времени Григорія читались только въ литургіи за умершихъ, на основаніяхъ выше нами уже упомянутыхъ. Наконецъ уже рѣшительно безъ всякаго основанія почему-то выпускаетъ молитву послѣ Отца нашъ: *Libera nos quaesumus*, допуская въ тоже время въ концѣ литургіи: *Agnus Dei*. Вѣдѣствіе всего этого римская его литургія V в. отличается чрезвычайною краткостью, такъ что онъ могъ напечатать ее всю на двухъ страницахъ своей небольшого формата книги.

широкій объемъ не чрезъ внутренній органическій процессъ, а чрезъ внѣшнее, такъ сказать, напластованіе, прибавленіе въ разное время разныхъ частей разными лицами. Это—теорія писателя XV в. Платины († 1481) и Кёхлера писателя XVIII в. Довольно бросить бѣглый взглядъ на ихъ пріемы, чтобы сразу же понять несостоятельность ихъ претензій на полное проясненіе прошедшаго римской литургіи до Григорія В. (1).

Обращаясь къ анализу римской литургіи временъ Григорія В., мы находимъ слѣдующее. Во-первыхъ она отличается *замѣчательною краткостью, немногосложностью состава вообще и сжатостью объема молитвъ въ частности* сравнительно съ древнею восточною литургіею и родственными послѣдней, разсмотрѣнными уже, національными литургіями запада. Эти свойства древне-

(1) Histor. V. Platinae de vitis Pontif. Romanor. Colon. 4° 1600. Кехлера: Histor. critic. Canonis missae pontific. 1751.—Передавая относительно римскихъ папъ первыхъ двухъ вѣковъ то, что намъ уже извѣстно изъ Lib. Pontif., Платина даже утверждаетъ, что Целестинъ далъ литургію introitus, Григорій Кирие-елейсонъ, Геласій первую изъ коллектъ, Иеронимъ Апостолъ и Евангеліе; аллилуія заимствовано изъ церкви Иерусалимской, сивюль отъ собора Никейскаго, появленіе умершихъ со временъ Пелагія († 560), цѣлованіе мира при Иннокентіи I. († 417), кажденіе при Львѣ III († 816); Agnus Dei при папѣ Сергіи († 701).—Еще болѣе странностей представляетъ сочиненіе Кёхлера. По его мнѣнію, первая молитва канона миссы: „Te igitur cleu.entissime Pater“ ведетъ начало отъ Геласія I или Климента; вторая: „Communicantes“, отъ Сириція († 398); третья: „Hanc igitur oblationem“ отъ Льва I. Относительно слѣд. молитвы: „Quam oblationem Tu Deus“, одни говорятъ, что она принадлежитъ Александру I, другіе же ему приписываютъ только слѣд. слова: „Qui pridie quam pateretur“ и затѣмъ слѣдующую молитву: „Unde et memores“. Молитва: „Supra quae proptio ac sereno vultu“, равно какъ и „Supplices Te rogamus“ должны принадлежать Льву I. Наконецъ молитва: „Per quem haec omnia Domine“—твореніе схоластика, вѣроятно какого-либо ученаго человѣка.— Не нужно особеннаго критическаго такта, чтобы замѣтить всю неосновательность многихъ изъ вышеприведенныхъ предположеній.

римской литургіи сразу же бросятся въ глаза читателю, если онъ обратитъ вниманіе на изложенный выше подлинный текстъ литургіи Григорія В. и сравнитъ его съ разсмотрѣнными уже текстами другихъ литургій восточныхъ и западныхъ. Немногосложность разсматриваемой литургіи зависитъ отъ того, что въ составъ ея не входятъ нѣкоторыя изъ частей, составляющихъ обыкновенно необходимую принадлежность восточной и другихъ западныхъ литургій; таковы—чтенія изъ Ветхаго Завета, чтеніе диптиховъ на проскомидіи, нѣсколько молитвъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ чтеніе диптиховъ (въ римской литургіи—только одна молитва подобнаго рода), цѣлованіе мира съ молитвою, особенныя и подробныя молитвы за оглашенныхъ. Литургія оглашенныхъ временъ Григорія В. состояла, какъ мы видѣли, только въ слѣдующемъ: входное, киріе-елейсонъ, слава въ вышнихъ Богу, молитва (въротно съ обращеніемъ къ народу), Апостоль, степенны или аллилуія, Евангеліе, проскомидія, молитва надъ приношеніемъ (или по нашему молитва проскомидіи). Сжатость же каждой молитвы, взятой отдѣльно, до такой степени очевидна, что не требуется особенныхъ доказательствъ въ этомъ случаѣ. Сравните какую угодно молитву изъ литургіи Григорія В. съ восточными или галликанско-испанскими (по древнѣйшимъ спискамъ) этого же рода и вы ясно увидите, что римская молитва превосходитъ всею краткостью, сжатостью выраженій.—Во-вторыхъ литургія эта отличается особеннымъ, довольно страннымъ расположеніемъ молитвъ въ важнѣйшей части литургіи вѣрныхъ (*canon missae*). *Анафора* въ нашей восточной литургіи дѣлится, какъ мы видѣли, самымъ естественнымъ образомъ на три части:

благодарственную (въ тѣсномъ смыслѣ слова), призванія св. Духа и на просительныя молитвы за умершихъ и живыхъ. Въ литургіи же Григорія В., послѣ пѣсни: святъ, святъ, вмѣсто того, чтобы докончить благодареніе словами благодаренія, изреченными Христомъ Спасителемъ, слѣдуютъ сначала прошенія о принятіи жертвы вмѣстѣ съ молитвами за церковь и папу, потомъ молитва за живыхъ, далѣе поминовеніе святыхъ и только послѣ всего этого уже слѣдуютъ слова установленія таинства. Часть, соотвѣтствующая нашей молитвѣ освященія Даровъ, по расположенію, если не по *прялому* смыслу, очень похожа на нашу восточную, какъ увидимъ ниже. Разумѣемъ молитвы: *Unde et memores* и *Supplices Te rogamus*. Третья часть заключаетъ молитвы за умершихъ (*Memento etiam Domine*) и снова за живыхъ вмѣстѣ съ новымъ поминовеніемъ святыхъ (*Nobis quoque peccatoribus*). Такимъ образомъ поминовеніе живыхъ и умершихъ встрѣчается въ разсматриваемой литургіи нѣсколько разъ и въ первой части нарушаетъ стройное теченіе мыслей; тоже нужно сказать и относительно прошенія о принятіи жертвы въ первомъ отдѣленіи канона миссы. Вообще въ разсматриваемой литургіи трудно провести линію дѣленія канона на части и если мы это сдѣлали, то вовсе не потому, чтобы самая литургія представляла это дѣленіе, а для того, чтобы легче сравнить ее съ нашею восточною. Само собою разумѣется, что мы не придаемъ и не можемъ придавать какой-либо важности этимъ особенностямъ въ расположеніи частей древне-римской литургіи. Это совершенно вѣршняя сторона дѣла. — Всматриваясь въ третьихъ въ общій характеръ, направленіе, главный мотивъ древне-римской литургіи, мы на-

ходимъ, что она отличается совершенно *особымъ характеромъ* отъ восточной литургіи и другихъ западныхъ литургій, примыкающихъ къ послѣдней, по своему направленію. Православная восточная и другія національныя литургіи запада имѣютъ характеръ торжественнаго благодаренія и притомъ воспоминанія, какъ бы повторенія вмѣстѣ съ этимъ благодареніемъ того, что совершилъ для нашего спасенія Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Въ томъ и другомъ отношеніи онѣ вполне вѣрны примѣру и заповѣди Спасителя, равно какъ и древнему преданію церковному. Онѣ вполне вѣрны характеру благодаренія, какой благоволилъ придать установленному имъ таинству Христосъ Спаситель: благодаривъ, сказано, хвалу воздавъ, рече. Далѣе онѣ вполне вѣрны всегдашнему преданію церкви, которая, подражая Спасителю, всегда считала это таинство ничѣмъ инымъ, какъ благодареніемъ, почему всегда и называла его Евхаристіею. Онѣ, наконецъ, вполне вѣрны заповѣди Спасителя творить Евхаристію въ Его воспоминаніе, почему, по крайней мѣрѣ восточная литургія всецѣло проникнута благодарственнымъ воспоминаніемъ всего домостроительства нашего спасенія, совершеннаго Иисусомъ Христомъ (1). Совершенно другимъ характеромъ отличается литургія Григорія В. Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы умалять ея значеніе въ какомъ либо отношеніи, но при всемъ томъ не можемъ не обратить вниманія на бросающуюся въ глаза особен-

(1) Что касается литургій галликанской и испанской, то онѣ, будучи совершенно сходны съ восточною въ отношеніи къ главной идее своей, благодарственному мотиву, въ приѣмахъ развитія этой идеи не всегда своею темою имѣютъ исключительно домостроительство нашего спасенія. Какъ мы видали, содержаніе ихъ евхаристическихъ молитвъ очень равнообразно.

ность ея направленія и до извѣстной степени не предпочесть ей восточную литургію, въ разсматриваемомъ отношеніи. Римская литургія временъ Григорія В. въ ея цѣломъ не есть благодарственное воспоминаніе и какъ бы воспроизведеніе дѣла нашего спасенія, какъ восточная литургія и другія ей родственныя западныя литургіи, а приношеніе даровъ, соединенное съ разными прошеніями. Она не есть Евхаристія въ строгомъ смыслѣ этого слова, соединенная съ священными воспоминаніями, а есть жертва прошенія. Всѣ молитвы (исключая одной: достойно и праведно есть) въ ней чисто просительныя. Понять это явленіе очень легко; оправдать точно также. Кто знакомъ съ религіозно-богословскою жизнью запада, съ тѣми вопросами, которые по преимуществу его занимали и имъ рѣшались, кому извѣстно, что богословско-антропологическіе вопросы всегда занимали западъ по преимуществу, что человѣкъ съ своими высшими нуждами всегда болѣе занималъ его, чѣмъ пути Промысла въ самооткровеніи Божества и въ связи съ послѣднимъ домостроительствомъ нашего спасенія,—тотъ легко пойметъ, почему древнѣйшая римская литургія имѣетъ характеръ прошенія, умилоствленія. Не забудемъ при этомъ, что хотя объ Евхаристіи, какъ жертвѣ, согласно учили не только западные, но и всѣ восточные отцы съ самыхъ древнихъ временъ и что это было всегда неизмѣннымъ ученіемъ всей христіанской церкви, тѣмъ не менѣе восточные отцы не старались ставить эту идею на первый планъ въ Евхаристіи, предпочитая строго слѣдовать заповѣди Спасителя и такимъ образомъ сообщили всей восточной литургіи характеръ преимущественно благодарственнаго воспоминанія. Не трудно понять и то, по-

чему римская церковь и Григорій В. имѣли нѣкоторое право придать своей литургіи такой характеръ. Знакомый съ великимъ духомъ свободы, господствовавшимъ нѣкогда въ церкви,—свободы, позволявшей молиться такъ и о томъ, какъ и чего требовали нужды времени и что ближе было уму и сердцу молящихся, пойметъ, что Григорій В. и римская церковь, давая такой видъ литургіи, сообразовались съ потребностями, нуждами времени. Припомнимъ, какъ далекъ былъ Великій Григорій отъ мысли, столь укоренившейся впоследствии у его преемниковъ, что римская литургія должна быть общеобязательна, если не для всего міра, то по крайней мѣрѣ для всего христіанскаго запада; припомнимъ, какъ въ письмѣ къ извѣстному британскому миссіонеру Августину (1) онъ высказывался на этотъ счетъ въ духѣ древле-отеческой, апостольской свободы, какъ онъ наконецъ въ приведенномъ уже нами письмѣ къ Сиракузскому епископу прямо и открыто сознавался, что онъ всегда готовъ подражать всему хорошему въ какой бы церкви ни находилось это хорошее, — и мы должны будемъ поставить великаго папу римскаго въ всякаго порицанія или укора—папу, котораго вся церковь справедливо признала святымъ.

Одно, что по видимому бросаетъ довольно значительную тѣнь на разсматриваемую литургію, это кажущееся совершенное отсутствіе молитвы пресуществленія Даровъ. Посмотримъ, приложимъ ли этотъ упрекъ къ литургіи Григорія В. и къ его собственному лицу? Мы теперь будемъ имѣть дѣло съ однимъ изъ самыхъ трудныхъ литургическихъ вопросовъ, по сознанію всѣхъ

(1) Concil. Labb. T. V. p. 1568.

ученыхъ. Трудность и въ тоже время настоятельная потребность и во многихъ отношеніяхъ важность его рѣшенія заставляютъ насъ остановиться на немъ подольше.—На первый взглядъ представляется, что, въ приведенномъ уже нами письмѣ Григорія В. къ Сиракузскому епископу, святой отецъ въ одномъ мѣстѣ прямо разумѣетъ молитву о ниспосланіи св. Духа на Дары и отвергаетъ ее, говоря, что эта молитва составлена схоластикомъ, апостолы же освящали дары только (*solummodo*) посредствомъ молитвы Господней. Повидимому далѣе и древнѣйшіе списки литургіи Григоріевой не представляютъ никакихъ слѣдовъ молитвы о ниспосланіи св. Духа на дары и потому наводятъ на предположеніе, что эту молитву можетъ быть исключилъ именно Григорій В. въ слѣдствіе извѣстныхъ своихъ на нее взглядовъ, выраженныхъ имъ въ письмѣ къ Сиракузскому епископу. Представимъ критическій разборъ какъ письма къ Сиракузскому епископу, такъ и того мѣста Григоріевой литургіи, гдѣ должна бы быть молитва о ниспосланіи св. Духа на дары.—Извѣстныя слова Григорія В.: „А молитву Господню потому мы произносимъ *тогда* послѣ молитвы (*post presen*), что таковъ былъ апостольскій обычай при помощи этой только молитвы освящать жертву приношенія: и мнѣ кажется весьма несообразнымъ, что надъ приношеніемъ *мы произносимъ* молитву, составленную схоластикомъ, а не произносимъ надъ Тѣломъ и Кровію Спасителя нашего того, что Онъ Самъ предалъ и что составилъ“, — содержать въ себѣ слѣдующій смыслъ. Главная цѣль Григорія В. при этомъ показать, почему онъ поставилъ въ своей литургіи молитву Господю *сейчасъ же* (*тох*) послѣ молитвы (неизвѣстно какой именно). При этомъ

онъ очевидно имѣеть въ виду колебаніе его современниковъ относительно того, заключать ли Евхаристическія молитвы молитвой Господней, можетъ быть она должна быть въ другомъ мѣстѣ литургіи, а можетъ быть и вовсе не должна имѣть въ ней никакого мѣста (1) Поставивъ молитву Господню *сряду же* послѣ молитвы (Евхаристической; все равно какой бы то ни было), онъ это сдѣлалъ, по его словамъ, потому, что „таковъ былъ апостольскій обычай при помощи этой только молитвы освящать жертву приношенія“, т. е. не иначе, какъ только съ *участіемъ этой молитвы, а никакъ не безъ нея*, такъ что она непременно входила въ составъ Евхаристическихъ молитвъ въ литургіи апостольской. *Solummodo* мы такъ понимаемъ по невозможности понять иначе; ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что апостолы не употребляли и словъ установленія таинства, что очевидно нелѣпо (2). Далѣе, *допуская* молитву, составленную обыкновеннымъ человекомъ (схоластикомъ), очевидно ту самую, послѣ которой онъ *сряду же* помѣстилъ молитву Господню, Григорій В., на основаніи этого самаго допущенія, требуетъ непременно, чтобы тѣмъ больше уже была допущена молитва *Господня*. „И мнѣ кажется весьма не-

(1) Изъ 9-го правила IV толедскаго соб. видно, что некоторые въ Испаніи употребляли на литургіи молитву Господню *только въ воскресные дни* (non quotidie sed tantum in die dominica). См. у Даниеля (Т. 1, р. 42) слова кард. Бонн. Припоминаю по этому случаю слова Августина: все это *почти вся церковь* (и однакожь не вся) заключаетъ молитвой Господней (in Epist. ad Paulin. LIX).

(2) Это недоумѣніе заставило ученыхъ дѣлать разнаго рода предположенія относительно слова *solummodo*. Одни думали, что это слово вставлено послѣ переплечиками; другіе (Бинтерямъ), что нужно читать его иначе, напр. *Solemnim modo*, что переплечики слили два слова въ одно. Daniel T. 1, р. 41. Binterim IV, III. р. 461—462.

сообразнымъ, что надъ приношеніемъ *мы произносимъ* молитву, составленную схоластикомъ, а не говоримъ надъ Тѣломъ и Кровію Спасителя нашего того, что *Онъ самъ* предалъ и что оставилъ⁴. Итакъ если даже допустить, что подъ молитвою у Григорія В. разумѣется не вся совокупность Евхаристическихъ молитвъ, а только ближайшая по мѣсту къ молитвѣ Господней молитва о ниспосланіи св. Духа на Дары, то и въ такомъ случаѣ разбираемый текстъ вовсе не говоритъ о какомъ-либо устраненіи молитвы пресущественія изъ литургіи; молитву Господню онъ поставилъ сряду же послѣ этой молитвы (слѣд. эта молитва есть въ его литургіи) (1), и выразился, что мы произносимъ молитву, составленную схоластикомъ. Но, можетъ быть, допуская эту составленную схоластикомъ молитву, онъ не придавалъ ей *освящающаю*, важнаго значенія, такъ какъ, по его мнѣнію, *освященіе* во времена апостольскія совершалось чрезъ молитву только Господню; притомъ молитва схоластика не можетъ имѣть столько важности, какъ молитва Господня? Рѣшеніе этого вопроса представляетъ непреодолимая трудности. Все зависитъ отъ того, какъ понимать выраженія: *consecrare* освящать и *presses* молитва—въ общемъ ли смыслѣ или въ частномъ, между тѣмъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы утверждать положительно то или другое. Если понимать *consecrare* въ общемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ употребленія той или другой молитвы для освященія Даровъ вообще,—для освященія среди литургіи вѣрныхъ, имѣющей вообще главную цѣлю освященіе Да-

(1) И Григорія обвиняли именно только въ томъ, что онъ поставилъ молитву Господню тотчасъ же послѣ *канона*. Вотъ обвинительный актъ: „quia orationem Dominicam mox post canonem dici statuitis“.

ровъ, тогда сопоставленіе въ этомъ смыслѣ молитвы, составленной схоластикомъ съ молитвою Господнею нисколько не унижаетъ первую предъ послѣдней, потому что молитвы сравниваются не въ отношеніи къ ихъ специальному назначенію освящать (чего вовсе не имѣется въ виду), не въ отношеніи къ силѣ освященія, а разсматриваются со стороны ихъ происхожденія. Съ этой послѣдней стороны дѣйствительно молитва Господня имѣетъ преимущество предъ молитвою, составленною обыкновеннымъ человѣкомъ. Но если понимать *consecrare* въ тѣсномъ, частнѣйшемъ смыслѣ этого слова, если дѣлать особенное удареніе на этомъ словѣ, тогда конечно въ словахъ Григорія В. получится смыслъ не совсѣмъ благопріятный для значенія молитвы ниспосланія св. Духа на Дары, нужно будетъ допустить нѣкоторое уменьшеніе значенія послѣдней со стороны Григорія В. Обращая вниманіе на противоположеніе епитетовъ: Господня и составленная схоластикомъ, мы должны допустить скорѣе первое, чѣмъ послѣднее, т. е. допустить, что Григорій В. дѣлаетъ особенное удареніе не на слово *consecrare*, а на *dominicus et scholasticus*. Тѣ же самые результаты получимъ мы, если будемъ понимать слово *graces* въ общемъ или въ частнѣйшемъ смыслѣ. Если въ общемъ значеніи молитвы Евхаристической, въ смыслѣ молитвы *canonis missae* вообще, тогда не можетъ быть и рѣчи о какомъ нибудь нерасположеніи Григорія В. къ этой молитвѣ. Если же въ частнѣйшемъ, тогда дѣло другое. Такъ какъ Григорій В. не опредѣлилъ частиѣ, какую именно онъ разумѣетъ молитву, то нѣтъ для насъ никакого основанія разумѣть ее въ частномъ, а не въ общемъ смыслѣ. Но оставимъ этотъ совершенно неразрѣшимый вопросъ;

Для насъ довольно и того, полученнаго нами результата, что *Григорій В. не отвергъ молитвы, составленной схоластикомъ* (все равно какъ ее ни понимать), напротивъ помѣстилъ ее непосредственно предъ молитвой Господней. Относительно же взгляда на нее Григорія В. ни мы и никто другой не въ состояннн сказать ничего положительнаго, сколько бы мы о томъ ни старались. — Обратимъ лучше вниманіе на самый составъ литургіи, дошедшей до насъ изъ времянь Григорія В., и посмотримъ, не представляетъ ли она какихъ либо слѣдовъ молитвы пресуществленія и нельзя ли этимъ путемъ приблизиться хоть нѣсколько къ рѣшенію важнаго, занимающаго насъ вопроса. Католическіе ученые, комментируя и разбирая римскую литургію, издавна поражались нѣкоторыми по ихъ мнѣнію несообразностями и странностями, не поддававшимися совершенно ихъ объясненіямъ, не примируемыми съ ихъ воззрѣніями. Признавая вмѣстѣ съ всею римскою церковію совпаденіе момента пресуществленія съ произношеніемъ словъ установленія таинства, католическіе ученые богословы совершенно терялись при объясненіи нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ *текстомъ и обрядомъ римской литургіи послѣ словъ установленія таинства*. Данныя эти такого рода, что невольно наводятъ на предположеніе, какъ будто по мысли римской литургіи Григорія В. пресуществленіе не окончательно совершилось съ произношеніемъ словъ установленія. Такъ послѣ словъ установленія встрѣчаются еще такія молитвы, въ которыхъ высказывается прошеніе о *милостивомъ воззрѣнн* на жертву и о *прннати даровъ* на подобіе того, какъ прннаты были дары Авеля, Авраама и Мельхиседека, причемъ кромѣ того сряду же послѣ словъ установленія

таинства встрѣчается слово *Panem* вмѣсто *Corpus* (1), что весьма странно послѣ того, какъ хлѣбъ и вино, по мнѣнію католиковъ, сдѣлались уже Тѣломъ и Кровію Спасителя. Далѣе другая молитва: *Supplices Te rogamus*, испрашиваетъ принесенія жертвы на высокій жертвенникъ руками Ангела предъ взоры Божественнаго величія,—опять большая странность; тѣло Христово не требуетъ этого представленія предъ взоры Божественнаго величія; оно всегда соприсутствуетъ Отцу вмѣстѣ съ Божественнымъ Лицомъ Сына. Не менѣе представляютъ несообразностей, съ католической точки зрѣнія, слѣдующіе за словами установленія обряды. Три раза послѣ того дары благословляются, что обозначается и въ древнѣйшихъ спискахъ крестомъ † (2). Къ тому же рядъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, приписывающихъ освященіе Даровъ особому дѣйствию св. Духа чрезъ произношеніе особой молитвы призванія св. Духа, практика всѣхъ христіанскихъ церквей, исключая римской, допускающая особую молитву пресуществленія, все это окончательно сбивало съ толку занимавшихся разсматриваемымъ вопросомъ и комментаторовъ римской литургіи. Огромная литература на римскомъ Западѣ существуетъ по этому вопросу; были люди, которые нѣсколько лѣтъ своей жизни посвящали разрѣшенію разнаго рода недоумѣній, соединенныхъ съ этимъ вопросомъ, и все-таки принуждены были въ концѣ концовъ сознаться, что разсматриваемый вопросъ представляетъ неразрѣшимыя труд-

(1) Въ молитвѣ: *Unde et memores* встрѣчается выраженіе *Panem*, а въ молитвѣ: *Supra quae propitio ac sereno vultu respicere* — все остальное.

(2) Въ молитвѣ: *Unde et memores*, въ молитвѣ: *Supplices Te rogamus* и въ молитвѣ: *Nobis quoque peccatoribus*.

ности, конечно, прибавимъ отъ себя, съ римско-католической точки зрѣнія, но никакъ не съ православной (1). Какъ трудно римскимъ католикамъ сладить съ данными ихъ собственной литургіи и обряда, идущими въ разрѣзъ съ ихъ теоріей о времени и способѣ пресуществленія, видно уже изъ того, что 4 года тому назадъ (1864 г.) явилось весьма замѣчательное специальное сочиненіе, посвященное вопросу о призываніи св. Духа (2), въ которомъ авторъ Гонпе, римскій католикъ, принужденъ былъ наконецъ сознаться, что какъ древняя, такъ и современная римская литургія заключаютъ въ себѣ молитву призыванія св. Духа на Дары. Правда, онъ все-таки настаиваетъ, что сила пресуществленія заключается не въ молитвѣ о ниспосланіи св. Духа, а въ словахъ установленія таинства; правда далѣе, опредѣляя назначеніе молитвы о ниспосланіи св. Духа (очевидно совершенно излишней съ католической точки зрѣнія, такъ какъ пресуществляютъ дары, по ихъ мнѣнію, слова установленія), онъ въ крайности пускается въ діалектическія тонкости, понимаетъ слова

— — — —

(1) Весьма интересно изученіе комментаторовъ римской литургіи въ указанномъ отношеніи. Весьма разнообразны и замѣчательны способы, къ какимъ они прибѣгали, чтобы выйти изъ того или другаго затрудненія; не менѣе замѣчательны признанія, какія слышались изъ ихъ устъ относительно чрезвычайной, непреодолимой трудности рѣшенія вопроса. Не въ предѣлахъ нашего сочиненія входитъ во все подробности огромнаго количества толкованій и толкователей разсматриваемыхъ мѣстъ римской литургіи; это надолго отвлекло бы насъ отъ нашего главнаго предмета. Желающихъ же ближе познакомиться съ комментаріями этого рода отсылаемъ къ сочиненію Hoppe—Epilesis der griechischen und orientalischen Liturgien und der römische Consecrationskanon. Schaffhausen. 1861. Авторъ посвящаетъ цѣлую главу этому предмету подъ заглавіемъ: *Die aufgelösten Schwierigkeiten des römischen Consecrationskanons nach Text und Ritus* (р. 98—116).

(2) См. въ предъидущемъ призываніи.

установленія какъ прошеніе о бытіи (совершеніи) жертвы, т. е. объ освященіи, а молитву о ниспосланіи Духа св. какъ прошеніе только о сакраментальной благодати для жертвы (1);—тѣмъ не менѣе большой уже шагъ со стороны католическаго ученаго самое признаніе, что ихъ собственная литургія не чужда мысли о молитвѣ ниспосланія св. Духа на Дары. Больше мы и не въ правѣ требовать отъ римскаго католика. Весьма интересны его доказательства на то, что римская литургія въ разсматриваемомъ отношеніи становится въ уровень, какъ онъ выражается, со всѣми древними христіанскими литургіями, а вовсе не составляетъ исключенія изъ общаго правила, какъ привыкли думать о ней досель, т. е. что она дѣйствительно заключаетъ въ себѣ молитву о ниспосланіи св. Духа на Дары, молитву, поставленную послѣ словъ установленія таинства, хотя выраженную не прямо, а въ образахъ, смыслъ которыхъ, прямо не бросающійся въ глаза, доступенъ только при самомъ внимательномъ ихъ разборѣ (2). Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливости безпристрастію, учености и критическому такту автора. Послѣдуемъ же за нимъ въ его весьма интересныхъ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ особенное для насъ значеніе и убѣдительность, если обратимъ вниманіе на то, что авторъ усердный католикъ, не затрудняющійся называть грековъ прямо схизматиками. Ему, конечно, не легко было сдѣлать важную уступку въ пользу этихъ самыхъ схизматиковъ. Сравнивая текстъ римской литургіи послѣ словъ установленія съ текстомъ восточныхъ литургій, онъ находитъ полную аналогію

(1) Der Bitte um die *Präsenz* der Opfers d. i. um die Consecration und der Bitte um die *sacramentale Gnade* des Opfers p. 267—268.

(2) p. 211.

между тѣмъ и другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, сравните слѣд. слова римской литургіи съ словами литургіи Апост. Постановл. и отчасти Златоустовой.

Римская литургия.

Unde et memores, Domine, nos servi tui et plebs Tuas sancta ejusdem Christi Filii Tui Domini nostri tam beatae passionis, nec non et ab inferis resurrectionis, sed et in coelos gloriosae ascensionis,

offerimus praeclarae majestati Tuae de Tuis donis ac datis hostiam puram + hostiam sanctam + hostiam + immaculatam, Panem + sanctum vitae aeternae et Calicem + salutis perpetuae.

Supra quae propitio ac sereno vultu respicere digneris et accepta habere, sicuti accepta habere dignatus es munera pueri Tui justis Abel et sacrificium patriarchae nostri Abrahamae et quod Tibi obtulit summus sacerdos Tuus Melchisedech sanctum sacrificium immaculatam hostiam.

Литургия Апостольскихъ Постановлений.

Μεμνημένοι τοίνυν τοῦ πάθους αὐτοῦ καὶ τοῦ θανάτου, καὶ τῆς ἐκ νεκρῶν ἀναστάσεως καὶ τῆς εἰς οὐρανούς ἐπανόδου καὶ τῆς μελλούσης αὐτοῦ δευτέρας παρουσίας, ἐν ᾗ ἔρχεται μετὰ δόξης καὶ δυνάμεως κρῖναι ζῶντας καὶ νεκρούς, καὶ ἀποδοῦναι ἕκαστῇ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ,

προσφερόμεν σοι τῆ βασιλείῃ καὶ Θεῷ, κατὰ τὴν αὐτοῦ διαταξίν, τὸν ἄρτον τοῦτον καὶ τὸ ποτήριον τοῦτο (въ литургіи Злат. τὰ σὰ ἐκ τῶν σῶν τοι προσφερόμεν)...

καὶ ἀξιῶμέν σε, ὅπως εὐμενῶς ἐπιβλέψῃς ἐπὶ τὰ προσκείμενα δῶρα ταῦτα ἐνώπιόν σου, σὺ ὁ ἀνευδαής Θεός, καὶ εὐδοκήσῃς ἐπὶ αὐτοῖς εἰς τιμὴν τοῦ Χριστοῦ σου (соответствующаго этой части литургіи Златоуста не представляетъ),

Supplices Te rogamus, καὶ καταπέμψης τὸ ἅγιον σφ
jube hacc perferri per ma- πνεῦμα ἐπὶ τὴν θυσίαν ταύτην...,
nus sancti angeli Tui in ὅπως ἀποφύγη τὸν ἄρτον τοῦτου
sublime altare Tuum, in σῶμα τοῦ Χριστοῦ σθ καὶ τὸ πο-
conspectum divinae maje- τήριον τοῦτο αἷμα τοῦ Χριστοῦ
statis Tuae, *ut quotquot ex* σθ. ἵνα οἱ μεταλαβόν-
hac altaris participatione sa- τες αὐτοῦ βιβανθῶσι προσ-
crosanctum Filii Tui Cor- εῦσεβειαν, ἀρέσεως ἀμαρτημάτων
pus et sanguinem *sumpse-* τύχῃσι..., πνεύματος ἁγίου
rimus, *omni benedictione coe-* πλ κ ρ ω θ ῶ σ ι ν..., ζωῆς αἰων-
lesti et gratia repleamur. ῖθ τύχῃσι, τοῦ καταλλαγέντος
αὐτοῖς, θεσποτα παυτοκρατορ.
(Эта часть литургіи Злато-
устовой, конечно, извѣстна
читателямъ).

Сравнивши литургіи римскую и восточную и нашедши ихъ совершенно сходными относительно количества, расположенія и содержанія частей рассматриваемаго мѣста литургіи, исключая молитвы, Supplices Te, соотвѣтствующей въ римской литургіи по мѣсту восточной молитвѣ о ниспосланіи св. Духа и повидимому неимѣющей рѣшительно никакого сходства съ послѣднею, Гоппе останавливаетъ особенное вниманіе на этой молитвѣ Supplices Te rogamus. Какъ мы сказали, она по видимому не представляетъ въ сущности никакого сходства съ восточными формулами. Но это только на первый взглядъ. Издавна всѣ толкователи останавливали свое вниманіе на нѣкоторыхъ многознаменательныхъ ея выраженіяхъ, каковы: *высокій жертвенникъ* (алтарь), *перенести руками Ангела, предъ взоры божественнаю величія*. Что значать такія очевидно образныя выраженія, употребленныя безъ сомнѣнія не безъ особенной

цѣли, въ литургіи, отличающейся необыкновенною краткостью и сжатостью выраженій, — въ литургіи, чуждой ораторскихъ распространеній? Это единственный случай фигуральнаго выраженія; онъ былъ бы рѣшительнымъ противорѣчіемъ общему характеру литургіи и всему ея складу, если бы его понягъ какъ простой ораторскій оборотъ. Необыкновенность разсматриваемыхъ литургическихъ фразъ во всѣ времена обращала на себя вниманіе комментаторовъ римской литургіи и всѣ они принимались объяснять означенное мѣсто такъ или иначе. Гоппе весьма тщательно разбираетъ каждую изъ выше приведенныхъ фразъ, сближая ее не только съ выраженіями св. Писанія (что дѣлавали и прежде его), но и съ подобными же выраженіями восточныхъ литургій (что составляетъ уже совершенно новый приемъ), стараясь далѣе комментировать эту молитву литургіи Григорія В. нѣкоторыми мѣстами его собственныхъ сочиненій и наконецъ изучая взгляды на этотъ счетъ древнихъ комментаторовъ римской литургіи IX—XIII в., т. е. такого времени когда еще не возникъ вопросъ о времени и способѣ пресуществленія Даровъ, поднятый какъ извѣстно въ первый разъ въ XV в. на Флорентинскомъ соборѣ. Благодаря такимъ приемамъ автора становится весьма понятнымъ смыслъ и цѣль того темнаго и загадочнаго мѣста римской литургіи, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь. Еще старинные комментаторы римской литургіи сближали разсматриваемое мѣсто съ тѣми главами посланія къ Евр., гдѣ Иисусъ Христосъ сравнивается съ ветхоз. первосвященникомъ; представляется входящимъ не во святое святыхъ, а въ *самое небо*; не съ кровію животныхъ, а съ своимъ собственнымъ Тѣломъ и Кровію; не нѣсколько разъ, а

однажды, чтобы *явиться Лицу Божию* о насъ, выну сидѣть одесную Бога, всегда ходатайствуя о насъ; почему мы имѣемъ *алтарь*, отъ него не имутъ власти ясти служащія сѣни, т. е. небесный, невидимый. Уже изъ этого сопоставленія довольно яснымъ становится смыслъ римской молитвы: *Supplices Te rogamus*. Сравнивая далѣе римскую литургію въ разсматриваемомъ отношеніи съ восточными литургіями, мы находимъ въ послѣднихъ очень много выражений сходныхъ съ молитвою: *Supplices Te rogamus*. Оставляя въ сторонѣ другія восточныя литургіи, возьмемъ литургію Златоуста. Въ ней находится въ слѣдующихъ мѣстахъ выраженія сходныя съ римскою литургіею: въ эктениі по освященіи Даровъ (вся святая помянувшѣ), въ молитвѣ предложенія (Боже, Боже нашъ) и въ молитвѣ каддила (на проскомидіи). Тамъ встрѣчаются прошенія: „яко да человекѡлюбець Богъ нашъ пріемъ я во святый и *пренебесный* и мысленный свой *жертвенникъ* въ волю благоуханія духовнаго, испослетъ намъ божественную благодать и даръ св. Духа“. Въ молитвѣ каддила: „въ волю благоуханія духовнаго, еже пріемъ въ *пренебесный* Твой *жертвенникъ*, испосли намъ благодать пресвятаго Твоего Духа“. Но въ этой послѣдней молитвѣ говорится только о пренебесномъ и мысленномъ жертвенникѣ безъ отношенія къ Тѣлу и Крови Христовой. Ясное и рѣшительное отношеніе этого пренебеснаго жертвенника къ элементамъ представляетъ молитва предложенія: „Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ, пищу всему міру, Господа нашего Іисуса Христа пославый Спаса, ... Самъ благослови предложеніе сіе и пріими ея въ *пренебесный* Твой *жертвенникъ*“. Мы находимъ весьма замѣчательную параллель между этимъ мѣстомъ и

мѣстомъ литургіи римской. Молитва Златоуста обращена къ *Богу Отцу*, чтобы Онъ, давшій Сына своего въ пищу всему міру, принялъ и это предложеніе въ пре-небесный свой жертвенникъ (подразумѣвается какъ тогда принялъ). О томъ же просить и молитва римской литургіи. И Гоппе совершенно правъ, когда утверждаетъ, что *προσδεχόμενοι ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ ὑπερβαίνοντες καὶ ὑερόν τοῦ οὐρανοῦ* тождественно съ выраженіемъ *ἀναστρέφει* и *μεταβολή* и выражаетъ тоже, что и *perfecte in sublime altare*. Что самъ Григорій В. придавалъ молитвѣ: „*Supplices*“ такой именно смыслъ, можно догадываться изъ сравненія его молитвы съ слѣд. напр. мѣстомъ изъ его сочиненій: „имѣющее соединиться съ Тѣломъ Христовымъ (*consociandum corpori Christi*) въ одно и тоже время и моментъ и восхищается (*rapitur*) на небо ангелами (*ministerio angelorum*) и видимо бываетъ очамъ священника на altarѣ“ (1). Наконецъ, если мы обратимся къ тому, какъ понимали и толковали разсматриваемую молитву представители самой римской церкви въ древнѣйшій періодъ IX—XIII в., то найдемъ, что многіе изъ нихъ видѣли въ ней *прошеніе о тождествѣ* хлѣба и вина съ сѣдящимъ одесную Отца Тѣломъ Христовымъ, такимъ образомъ молитву о пресуществленіи или нашъ *Ἐπίκλησις*. Не приводимъ многочисленныхъ толкованій подобнаго рода, принадлежащихъ Пасхазію Радберту († 865), неизвѣстному автору *Mess—Exposition* (IX в.), Одо Камбрейскому († 1113). Діакону Флору, Альгеру (*Algerus* 1131 или 1151) Гильдеберту Турскому или Манскому († 1134) (2); приведемъ для об-

(1) Проводя это мѣсто, Гоппе оговаривается, что онъ не нашелъ его въ сочиненіяхъ Григорія В. Другое же мѣсто подобнаго рода онъ ищетъ въ *Dialog. lib. IV—cap. 58*.

(2) См. Норре, р. 151—167.

разца слѣд. мѣсто изъ Вильгельма Дуранда († 1296). „Всемогущій Боже, повели сіе, т. е. *хлѣбъ и вино* пренести, т. е. *предложить*, на небесный (sublime) алтарь Твой, т. е. *въ Тѣло и Кровь Сына Твоего*, вознестъ выше ангельскихъ хоровъ“ (1)... Какъ ни толковать выраженіе „руками Твоего Ангела“, относить ли его къ священнику или къ самому Іисусу Христу, какъ толковали нѣкоторые изъ древнихъ комментаторовъ (2), или къ Духу Св., какъ весьма остроумно старается объяснить эти слова Гоппе, давая такое объясненіе на основаніи употребленія этого слова въ западномъ литургическомъ языкѣ, гдѣ дѣйствительно очень часто (въ галликанскихъ и мозарабскихъ формулахъ освященія Даровъ) (3) вмѣсто слова: Духъ Св. употребляется: Ангелъ, — смыслъ разсматриваемой молитвы отъ того не измѣнится. Она останется тѣмъ же въ сущности епиклисеемъ, какой общъ всѣмъ восточнымъ литур-

(1) Въ сочиненіи: *Rationale divinatorum officiorum*. (См. Гоппе стр. 165). Жальки, что объемъ сочиненія не позволяетъ намъ привести многихъ другихъ замѣчательныхъ толкованій. На толкованіи Дуранда мы остановились потому, что его толкованія пользовались въ свое время большимъ уваженіемъ.

(2) Основываясь на томъ, что въ св. Писаніи во многихъ мѣстахъ І. Христосъ называется Ангеломъ.

(3) Не приводимъ довольно многочисленныхъ формулъ галликанскихъ и испанскихъ, въ которыхъ испрашивается *освященіе Даровъ* руками Ангела, въ родъ напр., слѣд.: *et hujus sacrificii vineta per manus Angeli tui jubeas sanctificari*. См. Гоппе, стр. 172-179. Что подъ Ангеломъ здѣсь разумѣется Духъ св., это видно изъ сопоставленія этого рода формулъ съ множествомъ другихъ формулъ, въ которыхъ прямо испрашивается для Даровъ освященіе Духомъ св. и изъ доказанной уже истины, что та и другая церковь допускала *ἐπίκλησις* въ нашомъ смыслѣ. Но вотъ и неопровержимое доказательство того, что именно такъ нужно разумѣть слово: Ангелъ, а не иначе. Одна изъ формулъ читается: *infunde Sp. T. Sanctum, Paraclitum, Angelum veritatis* (Гоппе стр. 177-178).

гійамъ и какимъ представляли се сами западные до XIV в. (какъ видно изъ изслѣдованій Гоппе), съ XIV только вѣка начавшіе склоняться по словамъ этого ученаго къ другимъ на нее взглядамъ. Итакъ вотъ смыслъ этой молитвы. Въ ней высказывается прошеніе о тождествѣ Евхаристической жертвы съ тою таинственною жертвою, которую вѣкогда Иисусъ Христосъ принесъ Своему Отцу, какъ первосвященникъ и вмѣстѣ жертва, и которую доселѣ Онъ приноситъ на святомъ, мысленномъ и пренебесномъ жертвенникѣ, какъ Пескупитель и Примиритель человѣка съ Богомъ. Пусть эти дары, какъ бы такъ говорится въ молитвѣ, будутъ тою же пречистою плотію на пренебесномъ жертвенникѣ, тою же вѣчною примирительною жертвою, съ которою Онъ пошелъ въ самое небо (Евр. 9, 24) и которую однажды навсегда на пренебесномъ жертвенникѣ едину о грѣсѣхъ принесъ жертву, всегда сѣдитъ одесную Бога Отца (Евр. 10, 12), -- словомъ пусть они пресуществятся. Воспользовавшись многими фактами изъ сочиненія Гоппе, мы не вполне послѣдовали его окончательному выводу. Правда Гоппе вездѣ повторяетъ, что въ римской литургіи есть также какъ и въ восточныхъ литургіяхъ свой *ἐπίκλησις*, но понимаетъ разсматриваемую молитву не какъ прошеніе о тождествѣ хлѣба и вина съ тѣломъ и кровію, а какъ прошеніе о тождествѣ *только дѣйствія* жертвы относительно вѣрующихъ съ жертвою, вѣкогда принесенною Христомъ. Съ этою же цѣлію, т. е. чтобы отнять у этой молитвы значеніе пресуществленія онъ старается обратить особенное вниманіе читателей на то обстоятельство, что о ниспосланіи св. Духа на Дары какъ римская, такъ и другія церкви молятся не одинъ разъ, а по крайней мѣрѣ до трехъ разъ:

во время проскомидии (1), при освященіи Даровъ и при раздробленіи (2). Неоднократное моленіе о ниспосланіи Св. Духа, по его мнѣнію, ясно доказываетъ, что этой молитвѣ нельзя придавать никакъ значенія молитвы пресуществляющей, хотя самъ авторъ не смотря на то приписываетъ ей въ извѣстномъ мѣстѣ литургіи если не силу пресуществленія, то силу подаванія чрезъ нея вѣрующимъ сакраментальной благодати, силу дѣйственности жертвы, такъ что до этого момента жертва будто бы еще не дѣйствительна. Не смотря на всѣ подобныя католическія тенденціи, авторъ не мало оказалъ заслугъ въ дѣлѣ разъясненія спорнаго и запутаннаго вопроса. — И такъ не можетъ быть и рѣчи о совершенномъ отсутствіи въ римской литургіи молитвы пресуществленія Даровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ мѣста и возможность какого-либо нареканія на Григорія В. въ этомъ отношеніи. Конечно можно было бы желать, чтобы онъ составилъ болѣе ясную, съ перваго раза понятную фор-

(1) Нѣкоторыя этого рода молитвы римской литургіи весьма замѣчательны по своей близости къ нашей молитвѣ пресуществленія. Онѣ находятся во всѣхъ сакраментаріяхъ Льва В., Геласія и Григорія и въ спискѣ приложенномъ къ поученіямъ Льва В. Ихъ легко принять за молитву пресуществленія, но онѣ вовсе не имѣютъ такого значенія. Онѣ носятъ названіе *Oratio super oblata* или *Secreta*. Довольно много такихъ формулъ собрано у Кеніга въ его сочиненіи: *Die Haupt—Liturgieen der alten Kirche*. Neusterlitz. 1865. Къ этому сочиненію мы и отсылаемъ любопытствующихъ. Подобныя же молитвы находятся и въ восточныхъ литургіяхъ Іакова, Марка и Златоуста. Въ послѣдней читаемъ (*εὐχὴ προσκομιδῆς* по поставленіи даровъ на св. трапезѣ): „и вселѣтиси Духу благодати Твоея благому въ насъ и на *πρεβεσσάμεναι* Даровъ силъ“.

(2) Гоппе при этомъ указываетъ на нѣкоторыя выраженія литургіи Марка, Коптской, Халдейской, Сирійской и Галликанской. Въ Златоустовой онъ останавливается на выраженіи, при вложеніи частицы въ потиръ: *исполненіе Духа св.*; въ римской же современной — на выраженіяхъ при опущеніи частицы въ потиръ: *haec commixtio et consecratio corporis et sanguinis etc.*

музу. Далѣе нѣтъ сомнѣнія, что, заключивъ извѣстную идею въ такія именно выраженія, онъ былъ причиною того, что послѣдующія поколѣнія перестали понимать глубокой смыслъ его молитвы (хотя, какъ мы видѣли, до XIII ст. многіе еще понимали его). Но при этомъ, нужно замѣтить, что еще никто, никогда и никого не обвинялъ за то, что другіе худо воспользовались его трудами. Еще была бы хоть самая незначительная доля справедливости въ возведеніи чужой вины на Григорія В., еслибы послѣдній кого нибудь принуждалъ къ принятію своей литургіи; но мы уже знаемъ, что онъ совершенно чистъ отъ подобнаго нареканія (1).

Этимъ мы и заключаемъ наше сильное изслѣдованіе судьбы римской литургіи въ періодъ IV—VII в. Рассмотрѣнная нами древне-римская литургія, какъ національная литургія, принаровленная къ характеру римлянъ, издавна любившихъ лаконизмъ въ рѣчи, болѣе практиковъ, чѣмъ теоретиковъ, даже и въ Богословіи занятыхъ болѣе вопросами ближайшими къ челобѣтнику, чѣмъ предметами высшаго созерцанія, отличается, какъ мы видѣли, краткостію и сжатостію выраженій, оригинальностію во внѣшнемъ расположеніи своихъ частей, характеромъ не столько благодарственнаго воспоминанія дѣла нашего искупленія, сколько жертвоприпоше-

(1) Такъ какъ зашло дѣло о сравнительной ясности текста молитвы пресуществленія Даровъ, то кетати считаемъ нужнымъ признаться предъ читателями, что относительно Мозарабской литургіи мы введены были въ заблужденіе Деслеемъ, слѣдуя которому мы утверждали, что Мозарабская литургія не представляетъ въ буквѣ своихъ молитвъ выраженій: *transformatio*, *translatio* и под., хотя во многихъ своихъ формулахъ по нашему мнѣнію и содержитъ тотъ же смыслъ. Но изъ изданія Миня (*Liturg. Mozarab. t. LXXXV*) оказывается, что существуетъ не мало формулъ, въ которыхъ встрѣчаются выраженія: *transformatio*, *transmutatio* и что Деслей напѣренно искажилъ многія изъ этихъ формулъ.

нія; при всемъ томъ, по основнымъ своимъ элементамъ и частямъ, она не отступаетъ отъ апостольскаго типа литургіи и потому, не смотря на всѣ вышеупомянутыя особенности, вполне согласна съ духомъ истинно католической церкви. Будучи въ важнѣйшемъ моментѣ освященія Даровъ безъ сомнѣнія должнымъ образомъ понимаема современниками Григорія В., даѣе не успѣвъ въ разсматриваемый періодъ потерпѣть многочисленныхъ вставокъ по преимуществу въ рубрикахъ, позднѣе въ нее вошедшихъ и доходящихъ до такихъ подробностей въ своихъ наставленіяхъ священнодѣйствующему, что для римскаго священника настоящаго времени не остается ни одного добровольнаго жеста, поклона, крестнаго знаменія, такимъ образомъ не обремененная излишнею механическою обрядностью, разнаго рода придуманными въ послѣдствіи церемоніями, рассчитанными на эффектъ (непохожими нисколько на имѣющіе глубокой таинственный смыслъ обряды восточной литургіи), наконецъ чуждая претензій на общеобязательность для всего христіанскаго міра своихъ формъ, — древне-римская литургія Григорія В. совершенно чужда *внѣшнихъ* недостатковъ современной римской литургіи.

Инымъ является это наслѣдіе св. Григорія В. — по своему характеру и отношеніямъ къ другимъ національнымъ западнымъ литургіямъ — въ рукахъ его преемниковъ на римскомъ престолѣ. Переходимъ къ послѣднему періоду (VII—XVI в.) нашего очерка исторіи западныхъ національныхъ литургій.

А. Катанскій.

(Окончаніе будетъ)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки